Владиміръ Леонтовичъ.

Первые бои на Кубани.

Воспоминанія.

Издательство

МОЛОДАЯ РОССІЯ

Мюнхенъ 1923.

Отпечатано въ типографіи Р. Ольденбургъ въ Мюнхенѣ. Іюль 1923 г. Всѣ права сохраняются за авторомъ, въ томъ числѣ и право перевода на иностранные языки.

Владиміръ Леонтовичъ.

Первые бои на Кубани.

Воспоминанія.

Издательство

МОЛОДАЯ РОССІЯ

Мюнхенъ 1923.

Свѣтлой памяти Генералъ-Лейтенанта Виктора Леонидовича Покровскаго.

Викторъ Леонидовичъ Покровскій

† 9 ноября 1922 г.

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Андрею Владиміровичу за высокое покровительство и одобреніе по изданію этой книги всепреданнѣйше приноситъ глубокую благодарность

Авторъ.

Я былъ-бы несправедливымъ, если-бы при выпускѣ моего посильнаго труда не вспомнилъ съ сердечною благодарностью лицъ, которыя мнѣ, неискушенному въ литературѣ человѣку, такъ много способствовали по изданію настоящихъ моихъ воспоминаній.

Эти лица поняли, что только любовь моя къ Родинѣ, только желаніе безпристрастно и вѣрно отмѣтить для будущаго историка Русской смуты сужденія очевидца о значеніи героической дѣятельности и силѣ національнаго чувства борцевъ бѣлаго движенія, руководили мною, когда я писалъ свои очерки.

Въ такомъ моемъ настроеніи здѣсь — въ вынужденной эмиграціи — меня поддержали графъ Д. М. Граббе и князь Н. В. Масальскій.

Земно имъ кланяюсь.

Авторъ.

Мюнхенъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Предисловіе . . . . . IX—XIII

II. Введеніе 1

III. Генералъ Викторъ Леонидовичъ Покровскій 4

IV. Первыя добровольческія формированія въ Екатеринодарѣ 18

V. Первые бои на Кубани:

а) Бой подъ разъѣздомъ Энемъ 28

б) Бой подъ станицей Георгіе-Афипской 46

VI. Встрѣча Отряда въ Екатеринодарѣ. Сформированіе отряда полковника Лисивицкаго. Выступленіе частей на Кавказскій и Тихорѣцкій фронты. 56

VII. Бои на Тихорѣцкомъ и Кавказскомъ направленіяхъ. Выселки. Неравная борьба и отходъ отрядовъ на Екатеринодаръ. 28-ое февраля 1918 г. — оставленіе Екатеринодара 63

VIII. 1—14 марта 1918 г. Аулы Тахтамукай, Шинджій, Тлюстенъ-Хабль. Бой подъ станицею Пензенскою. Соединеніе съ арміею генерала Корнилова 73

Мученическая кончина преисполненнаго любви къ своей Родинѣ Монарха, наглый обманъ народа и развалины еще такъ недавно цвѣтущей Россіи, — вотъ все, что дала намъ «Русская революція», столь настойчиво проводившаяся сторонниками и дѣятелями интернаціонала.

Не слѣдуетъ скрывать правды: народъ Русскій объ революціи и не думалъ. Желала революцію незначительная по составу горсть лѣвыхъ депутатовъ государственной думы, увлекшая за собою народныя массы шумомъ крикливыхъ многообѣщающихъ, но, въ сущности, утопическихъ фразъ.

Дѣйствительно, они достигли успѣха: народъ поднялся.

Развѣ это была революція? Нѣтъ это былъ бунтъ безсмысленный и безпощадный.

Въ стихійномъ вихрѣ дѣйства разнузданной темной черни гибли здоровые умы, культура, необходимые запасы, дворцы, старинныя картины, премированный

скотъ, лѣса — словомъ все, что слишкомъ бережно и вдумчиво охранялось до смуты тѣми, кто убѣжденно понималъ и цѣнность сберегаемаго и пользу его для будущаго.

Одурманенныя фальшивыми лозунгами, — «вся земля — трудящимся», «долой капитализмъ», «вся власть пролетаріату» и, наконецъ, «на развалинахъ стараго строя мы создадимъ земной рай», — массы населенія Царской Россіи пошли за тѣми вожаками, которые произносили передъ непонимающими людьми фактически неосуществимыя обѣщанія дальнѣйшаго народнаго благополучія.

Массы народа . . . повѣрили! И пошли за лидерами, громко возглашавшими то, чего, конечно, исполнить эти авантюристы не могли. Но вѣдь интернаціональнымъ вожакамъ Россійской смуты нужна была только смута, въ періодъ которой они могли-бы обогатиться за счетъ старой Россіи, т. е. за счетъ бывшихъ владѣльцевъ цѣнностей, а затѣмъ они, премированные Европою, представители власти уйдутъ, или улетятъ на аэропланахъ, — не все ли равно — какъ спасаться отъ неминуемаго для нихъ народнаго гнѣва.

Напрасно сравниваютъ и искусственно находятъ равнозначущіе этапы во французской революціи съ происшедшимъ въ Россіи переворотомъ, ей навязаннымъ.

— XI —

Во Франціи когда-то народъ дѣйствительно изнемогалъ подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ, боролся противъ злоупотребленій королевскихъ чиновниковъ и слишкомъ четко распознавалъ и различалъ поведеніе и образъ жизни отдѣльныхъ классовъ населенія.

Не то было у насъ, въ Россіи. Впослѣдствіи безпристрастный историкъ изложитъ и сравнитъ всѣ блага старой Россіи, которая крѣпла, ширилась и была могучественною страною и которую никакъ нельзя сравнить съ нынѣшнею жалкою, рабскою, одичавшею Русью.

Не хочется приписывать лично себѣ такія мысли. Когда выше я упомянулъ о Русскомъ народѣ я имѣлъ въ виду только его темную массу.

Но въ народѣ, какъ въ конгломератѣ силъ, существуютъ и положительные элементы.

Таковыми явились лица, вошедшія въ составъ Добровольческой арміи. Что руководило этими добровольцами? Куда они шли въ своемъ движеніи? Чего они добивались, чего хотѣли достичь, для чего жертвовали своею жизнью?

Повторяю, этотъ весьма серьезный періодъ Русской смуты ждетъ своего объективнаго историка, который, изучивъ всѣ матеріалы, выскажетъ свой безпристрастный взглядъ на то исключительное предпріятіе, которое задумали совершить Бѣлыя арміи, — и совершить на

свой страхъ и рискъ, безъ всякой надежды на постороннюю помощь... Не будемъ вдаваться въ непріятныя для другихъ детали...

И сейчасъ ясно, что добровольцы желали только освобожденія Россіи отъ захватчиковъ власти и предоставленія самому народу распорядиться дальнѣйшимъ своимъ существованіемъ. Они пытались мѣрами извнѣ дать возможность толщѣ Русскаго населенія понять, что онъ, народъ, обманутъ и что путемъ выявленія своего характера и силы Россія можетъ быть избавлена отъ интернаціональныхъ кандаловъ.

Увы! Изнуренное голодомъ, фактически обезоруженное и терроризованное совѣтскою властью населеніе — неспособно подняться.

Такова фактическая сторона дѣла. Но въ каждомъ вопросѣ есть и сторона этическая.

Добровольческое движеніе!

Пусть потомъ скажутъ свое слово историки, бытописатели, даже историческіе романисты, но теперь очень важно и прямо необходимо заносить на страницы лѣтописи все то, что окружало бѣлыхъ.

Каждый штрихъ въ описаніи этого подъема любящихъ свою Родину людей очень и очень важенъ для будущаго историка.

Вотъ почему слѣдуетъ всемѣрно привѣтствовать изданіе, которому предпосылаются эти строки.

Воспоминанія автора, это — фотографія. Тѣмъ болѣе она цѣнна для будущаго историка. Въ изложеніи автора нѣтъ субъективизма, тенденціи.

Настоящая книга посвящена памяти серьезнаго героя спасенія Россіи отъ ея угнетателей.

Авторъ справедливо и проникновенно отмѣчаетъ В. Л. Покровскаго, какъ истиннаго вождя той сознательной части Русскаго народа, которая должна вывести нашу Родину на историческій и Богомъ уготовленный путь!

Хорошо знали враги Россіи моральное и реальное значеніе В. Л. Покровскаго. Они рѣшили его убить, что и исполнили, дабы онъ своимъ исключительнымъ авторитетомъ не мѣшалъ задуманному серьезно дѣлу обращенія Россіи въ пустыню.

Да, это тяжело, нестерпимо. Но пусть каждый читатель этихъ очерковъ пойметъ и настроеніе автора, и настроеніе добровольцевъ, и великій смыслъ жгучей, одушевляющей всѣхъ Русскихъ патріотовъ мысли:

Великая, Единая, Недѣлимая Россія.

А. В.

«... Вѣчная память павшимъ
героямъ, вѣчная слава героямъ
живымъ ...»
(Слова походной пѣсни добровольцевъ.)

ВВЕДЕНІЕ.

Черныя тучи сгустились надъ Югомъ Россіи къ концу 1917 года. Пало временное правительство. Волны большевистскаго океана захлестывали тихій Донъ. Бурлилъ Терекъ. То тамъ, то здѣсь по привольной Кубани вспыхивали зловѣщіе огни.

Ясно было, что и крѣпкому казачеству не удержаться подъ напоромъ стихійныхъ силъ большевизма.

Грозно пронеслись первые выстрѣлы по городамъ, станицамъ и хуторамъ. Здѣсь — доблестный Донской Атаманъ Калединъ, въ тщетныхъ попыткахъ спасти честь и достояніе войска, жертвенно принесъ свою жизнь на благо родного края, тамъ, — подъ ревъ одурманенной большевистскимъ ядомъ солдатской банды, на станціи

Прохладной, звѣрски былъ убитъ первый выборный Терскій Атаманъ Михаилъ Карауловъ.

Казаки дрогнули. Зловѣщіе призраки грядущаго распада встали передъ ними. Но было поздно. Темныя силы творили свое дьявольское дѣло и казачество, какъ и вся Россія, было обречено на великія жертвы, страданія, на попираніе всего, чѣмъ живо, славно и крѣпко оно было многія сотни лѣтъ.

Старики держались стойко, но распропагандированная на фронтахъ молодежь, ринувшись къ своимъ станицамъ, несла съ собою духъ разложенія и въ казакѣ, въ распоясанной защитнаго цвѣта гимнастеркѣ, уже нельзя было узнать недавняго лихого джигита и природнаго стрѣлка-пластуна.

Сформированныя къ тому времени краевыя правительства, съ выборными атаманами были безсильны и потокомъ рѣчей, воззваній и бумажныхъ угрозъ не могли успокоить и заставить повиноваться казаковъ.

Новочеркасскъ-на Дону, Екатеринодаръ-на Кубани, Владикавказъ-на Терекѣ еще держались, и вотъ въ эти оазисы съ осени 1917 года стали стекаться со всѣхъ сторонъ всѣ лучшіе и честные люди, которые твердо рѣшили скорѣе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели оставаться въ униженной, обездоленной и погубленной Россіи.

Въ то время въ Новочеркасскѣ уже были Лавръ Корниловъ, М. В. Алексѣевъ. Около нихъ группировались другіе старшіе начальники и шли первыя офицерскія формированія. Такъ — въ Екатеринодарѣ — В. Л. Покровскій, во Владикавказѣ — Мистуловъ. Все происходившее тогда, насколько позволяли общія условія, было объединено Новочеркасскомъ.

Генералъ Викторъ Леонидовичъ Покровскій.

9-го ноября 1922 года въ г. Кюстендилѣ, на границѣ Болгаріи и Сербіи, погибъ отъ предательской руки одинъ изъ сознательныхъ патріотовъ земли Русской генералъ Викторъ Леонидовичъ Покровскій. Это былъ энергичный, горячаго темперамента, образованный, самоотверженный, гуманный, вдохновенно проникнутый и фанатически преданный идеѣ борьбы съ большевизмомъ человѣкъ.

Это тотъ Покровскій, который первымъ изъ Русскихъ военныхъ летчиковъ во время европейской войны захватилъ въ воздушномъ бою въ плѣнъ непріятельскій аппаратъ съ летчикомъ и наблюдателемъ и тѣмъ въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій сразу покрылъ славою имя молодой тогда Русской авіаціи.

Это — тотъ Покровскій, который, среди крайне тяжелыхъ условій, первымъ поднялъ знамя борьбы на Кубани за освобожденіе Россіи отъ ея угнетателей.

Погибъ онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, въ то время, когда, какъ вождь, прибылъ къ своимъ старымъ соратникамъ, чтобы имъ, среди тягостей изгнанія, помочь, вдохнуть, и поддержать ихъ гаснувшія силы и увлечь на новый подвигъ.

Онъ не могъ мириться съ сѣрою эмигрантскою жизнью. Присущія ему исключительная идейность, высокое чувство національнзма и любовь къ Россіи всегда увлекали его на самопожертвованіе для горячо любимой имъ Родины.

Два года зарубежной жизни протекли для покойнаго въ непрерывной научной работѣ. Онъ въ совершенствѣ изучилъ нынѣшнее общее политическое и экономическое положеніе Европы и въ частности совѣтской Россіи, написавъ о немъ громадный въ пяти частяхъ трудъ своего анализа.

Слишкомъ тяжело ему было жить и работать среди парижской, берлинской и вѣнской эмиграціи, въ большинствѣ своемъ ушедшей въ область личныхъ матеріальныхъ заботъ жизни. —

Въ концѣ 1922 года онъ покинулъ Берлинъ и направился въ страну, гдѣ, среди особенно тягостныхъ условій, живутъ кадры арміи, — та категорія Русскихъ эмигрантовъ, которая вынесла на своихъ плечахъ всю тяготу вооруженной борьбы, походовъ и эвакуаціи, но

продолжающая всетаки стойко и идейно вѣрить въ скорое паденіе власти совѣтовъ, — въ Болгарію. Его появленіе въ Болгаріи вызвало охоту по немъ со стороны коммунистовъ.

Онъ былъ дважды преданъ имъ, зорко слѣдившимъ, въ лицѣ чекиста Чайкина, измѣнника Секретева и другихъ — за этимъ геніальнымъ организаторомъ. Первый разъ его предалъ, продавшій свою шпагу большевикамъ, генералъ Муравьевъ. — «Къ счастью, хотя и въ послѣдній моментъ, писалъ В. Л. Покровскій 30-го октября 1922 г., но все же это было замѣчено.» Пришлось покинуть Софію и переѣхать въ г. Родоміръ. Увы! . . Онъ спасся отъ одного предателя, а тамъ его поджидалъ уже другой. И кто? Извѣстный ему уже четыре года офицеръ. Сотникъ Артемій Соколовъ.

7-го ноября Покровскій послалъ Соколова въ Софію для выполненія нѣкоторыхъ порученій и приказалъ ему на слѣдующій день съ опредѣленнымъ поѣздомъ прибыть въ г. Кюстендиль, гдѣ и должна была состояться ихъ встрѣча. Передъ отправкою Соколова, бывшіе вмѣстѣ въ генераломъ·Покровскимъ офицеры заявили послѣднему, что они не довѣряютъ Соколову и опасаются, какъ бы онъ ни предалъ его.

— «Я его знаю 4 года лично, онъ и всѣ, кто со мной — люди — внѣ подозрѣній,» отвѣтилъ Покровскій.

Но на слѣдующій день съ условленнымъ поѣздомъ Соколовъ не прибылъ; это еще болѣе вызвало подозрѣніе у бывшихъ съ Покровскимъ лицъ, предложившихъ ему переѣхать въ другой городъ. Однако онъ рѣшительно отвергъ это предложеніе.

9-го ноября, около 10 ч. вечера въ Кюстендиль на автомобиляхъ прибыли чекисты Чайкина и, окруживъ вмѣстѣ съ болгарскими солдатами домъ, гдѣ находился Покровскій, открыли стрѣльбу. Покровскій выбѣжалъ, выстрѣлами изъ револьвера ранилъ двухъ чекистовъ и прорвался черезъ нападавшихъ во дворъ; здѣсь былъ раненъ болгарскимъ солдатомъ штыкомъ въ бокъ и упалъ; подбѣжали коммунисты, схватили раненаго, положили на автомобиль и увезли. По дорогѣ его истязали, ограбили и, наконецъ, звѣрски добивъ, бросили изуродованное тѣло въ моргъ Кюстендильской больницы.

На просьбу родственниковъ убитаго, обращенную въ прокурору Софійскаго суда о производствѣ слѣдствія объ ограбленіи В. Л. Покровскаго и объ истязаніяхъ, послѣдствіемъ которыхъ была его смерть, болгарскія власти не сочли нужнымъ даже отвѣтить. Предатель Соколовъ, получивъ за свое мерзкое дѣло 10000 болгарскихъ левъ, остался въ Софіи подъ защитой коммунистовъ и ихъ прислужниковъ.

Прошлое этого выдающагося человѣка весьма интересно. Оно выявляетъ и его исключительныя дарованія, рѣдкую любовь къ Родинѣ и твердую, непоколебимую вѣру въ возрожденіе Россіи.

В. Л. Покровскій изъ Одесскаго кадетскаго корпуса поступилъ въ 1906 году въ Павловское военное училище, которое онъ окончилъ первымъ и затѣмъ былъ произведенъ въ офицеры въ Гренадерскій Малороссійскій полкъ. Заурядная служба въ полку его не удовлетворяла: онъ, еще совсѣмъ юный, мечталъ о большой работѣ, о широкой дѣятельности. Весь свой досугъ онъ отдавалъ чтенію, научнымъ занятіямъ и особенно заинтересовался авіаціею. Онъ вѣрилъ въ ея будущее, въ ея громадное значеніе на войнѣ и рѣшилъ посвятить себя этой области.

Въ 1912 году онъ поступилъ въ Петроградскій Политехническій Институтъ, въ классъ авіаціи, гдѣ съ исключительнымъ интересомъ изучилъ технику летательныхъ аппаратовъ, а затѣмъ переѣхалъ для прохожденія практическихъ занятій въ Севастопольскую авіаціонную школу. Закончивъ курсъ и сдавъ въ Ноябрѣ 1914 г. экзаменъ, онъ немедленно отправился въ Дѣйствующую Армію, съ столь дорогимъ для него званіемъ военнаго летчика.

Мѣсяца не проходитъ чтобы отважный летчикъ не совершилъ выдающагося подвига. Одна за другой

боевыя награды украшаютъ его грудь. Вотъ небольшая выписка изъ послужнаго списка Покровскаго всего за два мѣсяца его дѣятельности:

Военный летчикъ поручикъ Викторъ Покровскій, въ періодъ времени съ 16-го мая по 15-ое іюля 1915 г. произвелъ, исключая перелеты, 40 воздушныхъ развѣдокъ, каждый разъ выполняя данныя заданія, давая штабамъ корпусовъ цѣнныя свѣдѣнія о противникѣ. Развѣдки эти производились подъ сильнымъ орудійнымъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля. За означенный періодъ времени Покровскій, согласно оффиціальной реляціи, пробылъ въ воздухѣ надъ противникомъ 141 часъ; участвовалъ въ четырехъ воздушныхъ бояхъ, обстрѣливая непріятельскіе аппараты и дважды препятствуя имъ произвести развѣдку; помимо сего 16-го мая участвовалъ въ воздушномъ бою съ германскимъ аппаратомъ и произвелъ развѣдку, несмотря на то, что аппаратъ его былъ поврежденъ пулей противника, причемъ въ 35 верстахъ отъ своихъ позицій и весь путь до нихъ подвергся обстрѣлу германскаго аппарата, летящаго прямо надъ головой, и перешелъ позиціи на высотѣ всего 700 метровъ. 7-го Іюня обстрѣлялъ германскій аппаратъ и заставилъ его спуститься. 15-го іюня совершилъ ночной полетъ для отысканія батарей противника и обнаружилъ шесть непріятельскихъ батарей. 27-го іюня преслѣдовалъ

аппаратъ противника и заставилъ его повернуться и спуститься. 9-го іюля во время развѣдки тыла противника, попавшей въ моторъ пулей — свернутъ клапанъ и тяга цилиндра аппарата Покровскаго и, несмотря на то, что цилиндръ былъ приведенъ въ полную негодность и моторъ въ 11 верстахъ въ тылу у противника выключился, сумѣлъ спуститься на своей территоріи, не повредивъ аппарата.

15-го іюля Покровскій совершаетъ настолько значительное по отвагѣ и цѣнности результата дѣло, что вскорѣ по представленію Верховнаго Главнокомандующаго, награждается офицерскимъ крестомъ Св. Георгія 4-ой степени и имя его попадаетъ на страницы многочисленныхъ приказовъ, газетъ и журналовъ.

Это было на австрійскомъ фронтѣ, у Золотой Липы, гдѣ стоялъ 2-ой Сибирскій корпусный авіаціонный отрядъ, въ которомъ служилъ покойный.

Утромъ 15-го іюля Покровскій вмѣстѣ со своимъ наблюдателемъ корнетомъ Плонскимъ, совершивъ обычную развѣдку, вернулся сильно утомленнымъ на аэродромъ отряда.

Въ тоть же день около полудня, вдругъ появился у Золотой Липы большихъ размѣровъ австрійскій «альбатросъ», который державъ направленіе на расположенный недалеко отъ 2-го Сибирскаго авіаціоннаго

отряда штабъ арміи, видимо съ намѣреніемъ бросить туда бомбы.

Это замѣтилъ Покровскій: забывъ усталость, онъ приказалъ наблюдателю Плонскому садиться въ аэроплан. Мигомъ они вскочили на «фарманъ» и аппаратъ сталъ брать высоту, держа путь прямо на австрійскій альбатросъ. На высотѣ около двухъ верстъ, почти надъ самымъ штабомъ арміи, Покровскій вступилъ въ бой съ австрійскимъ летчикомъ. Мѣткой стрѣльбой и поразительно искуснымъ управленіемъ аппарата, Покровскій вызвалъ замѣшательство на альбатросѣ и австріецъ, повернувъ, сталъ уходить. Но Покровскій сумѣлъ занять позицію надъ нимъ и началъ прижимать его къ низу. Противникъ снижался и затѣмъ, опасаясь сѣсть на верхушки лѣса, вынужденъ былъ спуститься. Тогда Покровскій поспѣшилъ снизиться саженяхъ въ 40 отъ альбатроса и выскочилъ изъ своего фармана; приказавъ Плонскому охранять его, самъ бросился къ австрійцамъ, которые спѣшили поджечь свой аппаратъ. Покровскій стремительно подбѣжалъ въ летчику и ударомъ рукоятки револьвера сбилъ его съ ногъ, а на наблюдателя, офицера австрійскаго генеральнаго штаба, направилъ маузеръ. Обезоруживъ офицеровъ и поставивъ ихъ впереди себя съ заложенными назадъ руками, онъ слѣдовалъ лично за ними и такимъ образомъ привелъ плѣнныхъ въ штабъ

арміи, а затѣмъ доставилъ въ авіаціонный отрядъ совершенно исправный австрійскій аппаратъ.

Имя Покровскаго стало въ войскахъ популярнымъ. Въ сентябрѣ 1915 г. онъ срочно былъ вызванъ въ Ставку, гдѣ ему дано было чрезвычайно важное заданіе по развѣдкѣ глубокаго тыла противника. Данное порученіе было блестяще имъ выполнено.

Въ январѣ 1916 года Покровскій, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ командиромъ 12-го Армейскаго авіаціоннаго отряда, стоявшаго въ Ригѣ. Ежедневные налеты нѣмецкихъ «Таубе» дѣлали работу отряда крайне напряженной, постоянныя развѣдки сопровождались очень часто воздушными боями. Сильно порѣдѣлъ составъ отряда, самъ Покровскій, и безъ того уже израненный, получилъ контузію, переломъ двухъ реберъ и отморозилъ себѣ руки. За то его отрядъ стяжалъ славу неустрашимаго и побилъ рекордъ пребыванія въ воздухѣ.

Наступила революція, а съ нею разложеніе арміи. Не могъ перенести и примириться съ несмываемымъ позоромъ «великой и безкровной» истый воинъ и, бросивъ любимое дѣло, поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ примкнулъ къ организаціямъ Корнилова и Колчака. Послѣ октябрьскаго переворота, не теряя вѣры въ дѣло спасенія, пробрался на Донъ къ Каледину, а затѣмъ на

Кубань, — въ Екатеринодаръ, гдѣ сталъ во главѣ первыхъ добровольческихъ формированій.

Лучше всего характеризуетъ Покровскаго сама же Кубань въ своихъ многочисленныхъ постановленіяхъ объ избраніи его почетнымъ казакомъ освобожденныхъ имъ отъ большевиковъ городовъ и станицъ. Простой, безыскусный языкъ постановленій казачьихъ сборовъ называетъ его героемъ Кубани, освободителемъ области отъ изувѣровъ большевиковъ, защитникомъ закона и справедливости, покровителемъ обездоленныхъ. 95 станицъ Кубанскаго Войска избрали его своимъ почетнымъ старикомъ. Это-же почетное званіе онъ получилъ отъ 8 черкесскихъ ауловъ, 7 станицъ Терскаго Войска, 5 — Войска Донского и 3 Войска Астраханскаго. Екатеринодаръ, Новороссійскъ, Майкопъ, Ейскъ, Анапа, Темрюкъ и Туапсе избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ.

Самостоятельно поднявъ въ декабрѣ 1917 г. возстаніе на Кубани, разгромивъ большевиковъ на Новороссійскомъ направленіи, организовавъ героическую оборону Екатеринодара и взявъ въ январьскихъ и февральскихъ бояхъ въ плѣнъ болѣе 4000 человѣкъ, 16 орудій, 60 пулеметовъ, Покровскій, уже въ должности Командующаго Войсками Кубанской Области, благополучно 28-го февраля 1918 г. вывелъ Армію изъ Ека-

теринодара и 14-го марта соединился съ Арміей генерала Корнилова.

Для выполненія заданія генерала Корнилова, онъ, что называется, съ коня, среди всѣхъ тягостей 1-го Кубанскаго похода, приступилъ къ организаціи регулярныхъ частей 1-ой Кубанской казачьей дивизіи. Къ этому дѣлу онъ приложилъ строго продуманный планъ и къ маю 1918 г. сформировалъ первые 4 полка этой дивизіи и тѣмъ возродилъ Кубанскую конницу. Формируя и въ то же время ведя со своими полками бои, Покровскій съ апрѣля по августъ ликвидировалъ Батайскую и Таманскую красныя арміи, очистилъ отъ большевиковъ Задонскій районъ и всѣ Черноморскія и Закубанскія станицы. Участвовалъ со своей дивизіей при занятіи Екатеринодара и, послѣ непрерывныхъ боевъ, овладѣлъ городами Темрюкомъ, Анапой, Новороссійскомъ, Майкопомъ, Туапсе и Ейскомъ.

Въ качествѣ Командира 1-го Кубанскаго Казачьяго Корпуса съ августа 1918 по февраль 1919 года, Покровскій разгромилъ и плѣнилъ 11, 12 и 13 совѣтскія арміи и овладѣлъ почти всѣмъ Сѣвернымъ Кавказомъ, съ городами — Георгіевскъ, Моздокъ, Грозный, Кизляръ, — при чемъ взялъ въ плѣнъ 119000 красноармейцевъ, 171 орудіе, 426 пулеметовъ и 19 бронепоѣздовъ

Въ февралѣ 1919 года 1-ый Кубанскій и 2-ой Донской корпуса, подъ общею командою Покровскаго, были переброшены на Донъ, гдѣ тогда положеніе бѣлыхъ сильно ухудшилось. Онъ велъ неустанные бои на подступахъ къ Новочеркасску, заставилъ большевиковъ отойти и овладѣлъ Донецкимъ каменноугольнымъ бассейномъ, 2-мъ Донскимъ и Сальскимъ округами и, что весьма важно, произвелъ полный разгромъ конницы Думенко.

Въ маѣ 1919 г. Покровскій въ составѣ Кавказской Арміи повелъ походъ на Царицынъ и въ іюнѣ уже участвовалъ въ захватѣ послѣдняго.

Все лѣто 1919 года Покровскій командовалъ войсками Волжской группы; разбилъ 8, 9 и 10 совѣтскія арміи и овладѣлъ Камышинскимъ и приволжскимъ укрѣпленными районами, вплоть до 1-ой линіи фортовъ Саратова, причемъ взялъ у красныхъ въ плѣнъ 52000 человѣкъ, 142 орудія, 396 пулеметовъ, 2 бронепоѣзда.

Во время этихъ боевъ Покровскій проявилъ исключительную личную храбрость и былъ раненъ. За занятіе Камышина Главнокомандующій генералъ Деникинъ произвелъ его въ генералъ-лейтенанты.

Въ октябрѣ того-же года Покровскій былъ назначенъ преемникомъ генерала Врангеля, покинувшаго постъ Командующаго Кавказской Арміей.

Командуя Арміей до февраля 1920 года, когда, было ему приказано отступить, — разгромилъ 34, 35, 37 и часть 38 совѣтскихъ стрѣлковыхъ дивизій.

За все время командованія войсками, въ бояхъ противъ совѣтскихъ силъ плѣнныхъ и трофеевъ взято было генераломъ Покровскимъ: плѣнныхъ — 239000, орудій — 454, пулеметовъ — 1193, бронепоѣздовъ — 34, бронеавтомобилей — 19, канонерокъ — 3, мониторовъ — 6, болиндеровъ — 7.

И въ результатѣ этой непостижимо колоссальной работы, долгихъ лѣтъ войны, раненій, чрезвычайныхъ усилій и лишеній, спасенія сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней — предательство, мученическая смерть и осиротѣлая, безъ средствъ къ существованію, семья съ тремя малолѣтними дѣтьми.

Даже прахъ Покровскаго до сихъ поръ не вывезенъ изъ Болгаріи въ Сербію, о чемъ такъ проситъ несчастная вдова покойнаго.

Съ мечемъ карающимъ въ рукѣ, въ терновомъ вѣнцѣ ушелъ отъ насъ еще одинъ рыцарь долга и чести. Погасла его яркая звѣзда, въ которую онъ такъ неизмѣнно вѣрилъ. Прервалась кипучая жизнь, имѣвшая столь большое значеніе въ Русскомъ національномъ дѣлѣ.

Еще мрачнѣе стало на душѣ горсти оставшихся въ живыхъ его соратниковъ.

Но пусть каждый изъ насъ, среди общихъ Русскихъ страданій, почаще вспоминаетъ слова Покровскаго, которыя онъ всегда говорилъ въ тяжелые дни прошлой борьбы: «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды.» . . .

Первыя добровольческія формированія въ Екатеринодарѣ.

Нелегко приходилось вначалѣ первымъ Кубанскимъ добровольцамъ и въ особенности пришлымъ, не имѣвшимъ въ городѣ ни друзей, ни родныхъ. И краевое правительство и войсковой штабъ подозрительно относились къ бѣжавшей отъ большевиковъ и еще ничѣмъ незарекомендовавшей себя молодежи. Интеллигентный обыватель, несмотря на то, что большевизмъ уже былъ у порога Кубанской столицы и признаки его позли изъ всѣхъ угловъ и щелей большого города, всетаки упорно выжидалъ и пока не раскрывалъ души, сердца и дверей своего дома бойцамъ-добровольцамъ или, какъ ихъ тамъ вначалѣ называли, — партизанамъ.

Растерянность была удѣломъ если не всѣхъ, то большинства и много видныхъ казачьихъ именъ оставалось въ бездѣйствіи: многіе не знали, за что и какъ браться, съ чего начать.

Привычка стараго офицерскаго состава къ военной организаціи, къ вполнѣ опредѣленнымъ въ законахъ и уставахъ требованіямъ службы, и на этотъ разъ, среди полнаго развала и исчезновенія даже признаковъ прежняго, не толкнула его на путь самодѣятельности и проявленія почина. Это обстоятельство, столь повредившее бѣлому движенію, къ сожалѣнію осталось съ нами и до послѣднихъ дней борьбы.

Я вспоминаю съ теплымъ чувствомъ благодарности такихъ людей, какъ бывшаго предсѣдателя Екатеринодарскаго биржевого комитета А. А. Литовкина, братьевъ генераловъ Карцевыхъ, всю семью горнаго инженера В. И. Винда, Екатеринодарскаго городского голову, И. Дицмана, семью Бурсакъ, Е. Ф. Бабкина, барона Б. Л. Штейнгель, семью Николенко и многихъ другихъ, широко откликнувшихся на нужды формированій отрядовъ и въ сознаніи добрыхъ и честныхъ порывовъ буквально позабывшихъ, что ждетъ ихъ, если бѣлые не выдержатъ и въ городъ придутъ большевики.

Многіе изъ нихъ впослѣдствіи заплатили за свои симпатіи къ намъ, иные — увы! — жизнью, а другіе изгнаніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мою память тяжелымъ свинцомъ давятъ имена людей, которые въ силу своего авторитета и служебнаго положенія сыграли совсѣмъ отри-

цательную роль въ дѣлѣ поднятія на Кубани возстанія противъ большевиковъ.

Конечно говорить о вышедшихъ изъ подполья темныхъ элементахъ, о «представителяхъ Екатеринодарскаго пролетаріата,» каковыми именовали себя Турутинъ, Полуянъ, фабричный инспекторъ Семеновъ, Либерманъ, Тальбергъ, Хейфецъ, Рондо, Юшко и другіе, — не приходится, но дѣйствія такихъ лицъ, каковыми въ то время являлись генералы Букретовъ и Бѣлоусовъ, заслуживаютъ того, чтобы ихъ запечатлѣла безпристрастная исторія.

Генералъ Букретовъ былъ командующимъ войсками Кубанской области. Политика его была двойственна и крайне неопредѣленна.

Въ сущности онъ тормозилъ дѣло добровольческихъ формированій, но въ то-же время велъ переговоры со всевозможными политическими и профессіональными союзами, полковыми комитетами и прочими, — выросшими въ революціонную эпоху, какъ грибы, — учрежденіями и лицами.

Когда, въ въ началѣ января 1918 г., добровольцами былъ схваченъ на станціи Тимошевская и привезенъ въ Екатеринодаръ бандитъ — комисаръ Хачатуровъ, Букретовъ настоялъ на его освобожденіи; онъ дошелъ даже до того, что лично, прибывъ въ отрядъ,

обратился съ «высокомилостивымъ» словомъ къ добровольцамъ и просилъ ихъ отпустить Хачатурова.

Къ счастью этотъ человѣкъ вскорѣ покинулъ свой постъ и его мѣсто занялъ генералъ Гулыга.

Послѣ оставленія въ февралѣ 1918 г. Кубанскою арміею Екатеринодара, Букретовъ остался тамъ, завелъ молочную ферму и благополучно пребывалъ у большевиковъ до занятія города, въ августѣ того-же года, войсками генерала Деникина.

Въ успѣхѣ побѣды и въ исключительномъ желаніи войти въ Россію и избавить родную страну отъ поработителей истинные борцы добровольческой арміи, какъ всегда, забывали наказывать заблуждавшихся карьеристовъ-шкурниковъ, больше думавшихъ о себѣ, чѣмъ о Родинѣ.

Вотъ почему въ то время не до него, не до Букретова было дѣло.

А онъ прибыльно для себя устроился и занялъ «хлѣбное» мѣсто въ одномъ изъ отдѣловъ краевого министерства продовольствія.

Въ концѣ 1919 года, за рядъ должностныхъ преступленій, онъ былъ судимъ военно-полевымъ судомъ, но на фонѣ катастрофическаго отката отъ Орла, «Кубанскаго дѣйства» и Новороссійской трагедіи, — вновь всплылъ въ роли Кубанскаго войскового атамана....

На этотъ постъ онъ былъ выдвинутъ лѣвымъ крыломъ Кубанской рады.

Въ февралѣ 1920 г., Букретовъ съ большинствомъ Кубанскихъ частей откололся оть войскъ арміи генерала Деникина и подъ Сочи, на позорнѣйшихъ условіяхъ, сдалъ три четверти Кубанской арміи большевикамъ.

На генерала Бѣлоусова войсковымъ штабомъ были возложены обязанности наблюдающаго за добровольческими формированіями.

Не знаю, чѣмъ руководствовался штабъ при этомъ назначеніи. Остается предполагать лучшее и отнести избраніе, на такую важную по существу и моменту должность, этого человѣка къ полной апатіи и безразличію штаба къ дѣлу назначенія столь отвѣтственныхъ должностныхъ чиновъ.

Съ душою стараго интендантскаго чиновника, абсолютно не разбираясь въ происходящемъ, генералъ Бѣлоусовъ приступилъ къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей. Въ гостинницѣ Губкина онъ открылъ свой «штабикъ» или, какъ его удачно называли добровольцы, «лавочку» и началъ чинить всѣмъ и во всемъ препятствія.

Сейчасъ у меня въ памяти одинъ изъ очень характерныхъ эпизодовъ его дѣятельности.

Требовалось оружіе для воинскихъ, частей отправляемыхъ для пополненія на фронтъ. Полученіе оружія должно было пройти въ порядкѣ спѣшности и, конечно, безъ всякихъ задержекъ.

Среди отрядной сутолоки было составлено соотвѣтствующее отношеніе и съ офицеромъ отправлено на распоряженіе Бѣлоусова. Послѣдній нашелъ «бумагу» составленною не «по формѣ» и возвратилъ въ отрядъ «съ надписью на семъ-же», а потомъ пошла волокита. Наконецъ, послѣ ряда повторныхъ обращеній и настойчивыхъ требованій, разрѣшеніе на выдачу было получено, но когда пріемщики отправились за оружіемъ на склады, то караулъ какого-то пластунскаго батальона отказался исполнить распоряженіе генерала о выдачѣ оружія. Тогда была назначена особая команда, которой пришлось силою удалить этотъ «караулъ», замѣнить его своими людьми и доставить оружіе въ отрядъ.

Съ отпускомъ провіанта и другихъ видовъ довольствія дѣло обстояло не лучше и получить что-либо отъ Бѣлоусова было равносильно подвигу.

Когда-же, наученные горькимъ опытомъ, къ нему перестали обращаться, — онъ принялся, въ чрезвычайно тяжелую боевую страду, «инспектировать» отряды.

Собравъ и сложивъ свои бумаги на походную двуколку, Бѣлоусовъ совершилъ прогулку въ обозѣ

арміи въ первомъ Кубанскомъ походѣ, дѣлая по плохой своей привычкѣ всѣмъ какія-то ни для кого необязательныя распоряженія и замѣчанія.

Какъ это ни странно, но послѣ занятія Екатеринодара, онъ получилъ новое отвѣтственное назначеніе на должность коменданта главной квартиры.

Облеченный почти диктаторскими полномочіями, онъ, развернувшись во всю, началъ глумиться надъ офицерами; одного изъ нихъ, Гвардіи полковника князя Гагарина онъ довелъ своими беззаконными распоряженіями и оскорбленіями до того, что князь застрѣлился въ его-же служебномъ кабинетѣ.

Послѣ этого трагическаго случая Бѣлоусова только убрали!

Но онъ не унывалъ: вышелъ въ отставку, открылъ на Красной улицѣ винный погребокъ, бойко торговалъ, спаивалъ казаковъ и... остался у большевиковъ.

Къ этой характеристикѣ генерала Бѣлоусова можно было бы прибавить еще много свѣдѣній о мѣстныхъ «Пожарскихъ», и «Мининыхъ», но изложеннаго, кажется, достаточно, чтобы обрисовать ту обстановку, въ условіяхъ которой зарождалось на Кубани добровольческое движеніе.

Будетъ нелишнимъ добавить, что, когда въ концѣ декабря 1917 г., послѣдовало распоряженіе краевого

правительства о формированіи Покровскимъ 1-го Кубанскаго добровольческаго отряда, мнѣ лично пришлось двѣ недѣли ѣздить по городу въ тщетныхъ попыткахъ найти помѣщеніе для отряда и только послѣ продолжительной бѣготни въ войсковой штабъ, городскую управу и другія учрежденія, подъ таковой былъ отведенъ одинъ изъ бывшихъ лазаретовъ Союза Земствъ и Городовъ по Бурсаковской улицѣ.

Со слѣдами недавняго пребыванія выздоравливающихъ «товарищей», это помѣщеніе своимъ видомъ напоминало мифологическія Авгіевы конюшни. Намъ пришлось собственными средствами очистить и привести въ порядокъ зданіе и размѣстить въ немъ отрядъ.

Такъ приходилось добровольцамъ жить, организовываться, воевать, поддерживать порядокъ въ большомъ городѣ, крупномъ желѣзнодорожномъ узлѣ, полномъ бродячими «фронтовиками», преступнымъ элементомъ и темными дѣльцами, всегда существовавшими въ средѣ общей суматохи.

Обликъ когда-то тихаго, утопающаго въ садахъ, города Екатеринодара сталъ неузнаваемъ.

Кого только здѣсь нельзя было встрѣтить! «Какая смѣсь одеждъ и лицъ, нарѣчій, нравовъ, состояній. . !»

Всѣ чего-то искали, митинговали, ждали чуда и по вечерамъ у Бадурова и въ Большой Московской

воинственно скандалили и «глушили» Абрау-Дюрсо и Кахетинское.

Желѣзная воля Покровскаго настойчиво боролась противъ этой вакханаліи и растерянности и имя его небольшого, но крѣпкаго духомъ и спайкой отряда, авторитетно звучало въ городѣ.

Оффиціально первый Кубанскій добровольческій отрядъ началъ свое существованіе 2-го января 1918 г.

Послѣ объявленія о формированіи въ приказѣ по Войску и въ оповѣщеніяхъ, въ него стали записываться офицерская молодежь, юнкера, учащіеся и казаки.

Въ первый-же день запись дала до 60 человѣкъ, къ 15-му января цифра эта увеличилась до 300 человѣкъ.

Первыя матеріальныя средства — 80000 рублей были даны Екатеринодарскимъ биржевымъ комитетомъ, который и въ дальнѣйшемъ продолжалъ денежно поддерживать существованіе отряда. Вторая значительная субсидія была оказана союзомъ Кубанскихъ хлѣборобовъ. Кубанское правительство ассигновало только въ концѣ января, передъ выступленіемъ отряда на фронтъ, 100000 рублей.

Вначалѣ отрядъ состоялъ изъ двухъ пѣшихъ сотенъ. Первою — офицерскою командовалъ, впослѣдствіи погибшій во главѣ своего полка въ одномъ изъ боевъ подъ Ставрополемъ, войсковой старшина Иванъ

Шайторъ; второй — казачьей — есаулъ Владиміръ Пржевальскій.

Артиллерія — двѣ пушки была подъ начальствомъ капитана Никитина. Пулеметная команда — восемь пулеметовъ — у поручика Морочнаго. Вербовочнымъ бюро вѣдалъ калѣка-инвалидъ поручикъ Комянскій.

Штабъ отряда состоялъ: изъ начальника отряда капитана Покровскаго, его помощника по строевой части войскового старшины Посполитаки, помощника по хозяйственной части капитана Реброва, адъютанта хорунжаго Тарасенко. Я состоялъ въ должности начальника штаба. Позднѣе, при развитіи операцій и расширеніи функцій штаба, изъ него была выдѣлена часть административно-гражданская, во главѣ которой былъ поставленъ бывшій начальникъ Новороссійскаго округа, капитанъ Викторъ Леонтовичъ.

Санитарное дѣло находилось въ завѣдываніи двухъ энергичныхъ молодыхъ военныхъ врачей Баранова и и Хунцарія.

Первые бои на Кубани.

Бой подъ разъѣздомъ Энемъ.

Къ среднимъ числамъ января 1918 г. красные стали накапливаться на подступахъ къ Екатеринодару, направляясь къ нему главнымъ образомъ со стороны станціи Приморско-Ахтарской, Тихорѣцкой, Кавказской и Новороссійска. Первоначально бои шли вдоль желѣзнодорожныхъ линій, — ни та, ни другая сторона не отклонялась отъ нихъ.

Большевики вели войну съ комфортомъ. Захвативъ на крупныхъ узловыхъ станціяхъ лучшій подвижной составъ, они составляли изъ него непомѣрно большіе по количеству вагоновъ эшелоны и продвигались въ сторону Екатеринодара съ артиллеріею, установленною на открытыхъ платформахъ. На наскоро приспособленныхъ вагонахъ помѣщались пулеметы. Конницы въ началѣ у нихъ почти не было.

Наибольшее количество большевистскихъ частей имѣли свои штабы на станціяхъ Кавказской и Тихорѣц-

кой и состояли главнымъ образомъ изъ солдатъ когда-то славной Кавказской 39-ой пѣхотной дивизіи, ушедшей съ фронта и расквартированной затѣмъ на Кубани и въ Ставропольской губерніи.

Между прочимъ, къ большому сожалѣнію и до настоящаго времени осталась неосвѣщенной дѣятельность штаба этой дивизіи, остававшагося со своимъ старымъ офицерскимъ составомъ, т. е. начальникомъ дивизіи, начальникомъ штаба и другими чинами на станціи Тихорѣцкой, во все время веденія боевъ подъ Екатеринодаромъ, т. е. съ начала января по мартъ 1918 г.

Въ Новороссійскѣ происходило слѣдующее.

Части Кавказскаго фронта, по мѣрѣ оставленія своихъ позицій, направлялись преимущественно въ Трапезундъ, откуда ихъ на судахъ перевозили въ Новороссійскъ для окончательнаго расформированія и дальнѣйшаго слѣдованія по домамъ. Къ январю въ Новороссійскѣ скопилось до 60 тысячъ солдатъ. Вся эта праздная, митинговавшая масса являлась чрезвычайно подходящимъ и легко поддающимся обработкѣ матеріаломъ для вожаковъ большевизма въ ихъ проклятой агитаціонной дѣятельности. Такъ напр. былъ пущенъ слухъ, будто находящіяся въ Екатеринодарѣ, «бѣлогвардейскія банды» препятствуютъ свободному про-

движенію солдатъ на родину, а потому единственный способъ дальнѣйшаго слѣдованія — двигаться по желѣзнодорожному пути съ оружіемъ въ рукахъ.

Екатеринодаръ былъ освѣдомленъ о происходившемъ въ Новороссійскѣ. Въ штабѣ отряда было составлено къ Новороссійскому гарнизону воззваніе, въ которомъ говорилось отъ имени Кубанской краевой власти, что никто не будетъ чинить препятствій свободному проѣзду солдатъ черезъ Екатеринодаръ, но при условіи сдачи частями своего оружія на станціи Георгіе-Афипской особому, назначенному для этого, контрольному пункту. Кромѣ того демобилизованнымъ солдатамъ была обѣщана всемѣрная помощь, въ смыслѣ устройства на желѣзнодорожныхъ станціяхъ питательныхъ пунктовъ, организаціи санитарной помощи и т. д.

Это воззваніе немедленно было передано въ Новороссійскъ, въ штабъ гарнизона и цѣлому ряду должностныхъ лицъ.

Начальникъ Новороссійскаго гарнизона, капитанъ старой службы Атроблянко, опредѣленно перешедшій на сторону большевиковъ, не довелъ это воззваніе до всеобщаго свѣдѣнія. Солдаты продолжали томиться, требовали скорѣйшей отправки, а агитаторы продолжали играть на ихъ неосвѣдомленности, указы-

вая, какъ на единственный выходъ — вооруженную борьбу.

По настроенію солдаты были далеки отъ новой войны, — всѣ стремились поскорѣй разойтись по домамъ и воевать не хотѣли. Тогда большевики прибѣгли къ психологическому воздѣйствію, — пролитію крови и почти всѣ офицеры находившагося въ Новороссійскѣ Варнавинскаго пѣхотнаго полка были звѣрски убиты ими только за то, что, въ цѣляхъ поддержанія порядка въ своихъ частяхъ, они убѣждали солдатъ сдать оружіе и слѣдовать или самостоятельно, или группами по домамъ. Эта кошмарная расправа, жертвами которой стали 40 человѣкъ офицеровъ, послужила какъ бы сигналомъ къ формированію боевыхъ частей Новороссійскаго фронта.

Новороссійскій гнойникъ не могъ не безпокоить Екатеринодара и въ особенности потому, что въ немъ были сосредоточены большіе запасы оружія, огнестрѣльныхъ припасовъ и прочаго военнаго имущества.

17 января Новороссійскій революціонный совѣтъ прислалъ въ Екатеринодаръ требованіе о немедленномъ признаніи власти совѣтовъ, расформированіи добровольческихъ отрядовъ, выдачи главныхъ организаторовъ движенія и т. д. Свое обращеніе къ краевой власти большевики подкрѣпили угрозою, что если до

20-го января не послѣдуетъ выполненіе ихъ требованій, то они займутъ городъ вооруженною силою.

При той общей обстановкѣ, которая была на Кубани и въ частности въ Екатеринодарѣ, ясно было, что судьба края рѣшается. Предъ глазами вставали мрачныя картины грядущихъ дней — воцареніе большевиковъ, звѣрскихъ расправъ съ властью, интеллигенціей и добровольцами.

Вечеромъ 18-го января Покровскій былъ вызванъ во дворецъ Войскового Атамана, полковника А. П. Филимонова. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Атаманъ нервно шагалъ по своему кабинету. Съ негодованіемъ онъ сталъ говорить о требованіяхъ большевиковъ, о собственномъ безсиліи что-либо сдѣлать, предпринять, противопоставить имъ.

Остановившись передъ Покровскимъ и голосомъ, въ которомъ звучалъ глубокій надрывъ, онъ сказалъ: — «Дѣлайте все, что только возможно, требуйте отъ меня все, что въ силахъ и власти моей, но спасайте положеніе. Вся надежда только на васъ.» — Покровскій сосредоточенно молчалъ, ибо ему еще раньше было понятно, что вооруженная борьба и кровь — неизбѣжны.

Тогда состоялось твердое рѣшеніе: всѣми силами встрѣтить врага подъ Екатеринодаромъ и дать ему бой.

Свою угрозу большевики стали приводить въ исполненіе. Уже днемъ 19-го января наша развѣдка и прибывшіе въ Екатеринодаръ казаки изъ станицы Сѣверской сообщили, что красные накапливаютъ свои войсковыя части изъ Новороссійска на станціяхъ Топельной, Абинской, Линейной, Ильской, Сѣверской, Георгіе-Афипской. (Послѣдняя отъ Екатеринодара — въ 22 верстахъ.)

Первоначально численностьврага опредѣлялась въ четыре тысячи штыковъ, при 12 орудіяхъ и весьма большомъ количествѣ тяжелыхъ и легкихъ пулеметовъ. Въ дѣйствительности-же составъ красной арміи былъ гораздо значительнѣе и доходилъ до девяти тысячъ человѣкъ. При сопоставленіи этихъ силъ съ тѣмъ, что было у насъ, — всего не болѣе 700 человѣкъ, ясно было, что шансы слишкомъ неравны и что только исключительный порывъ, счастье и беззавѣтное мужество добровольцевъ могутъ дать въ результатѣ побѣду.

Отрядъ сталъ готовиться къ выступленію. Все приводилось въ порядокъ. Каждый боецъ отлично зналъ, что ждетъ его. Вѣра въ правоту дѣла, сознаніе выпавшаго на долю долга предъ Родиной крѣпило душу и сердце.

Всѣ были полны подвижничества.

Какъ тяжело теперь, за рубежомъ родной земли, въ одиночествѣ, послѣ всего пережитаго и выстражан-

наго, вспомнить эти свѣтлые моменты, эту высочайшую мораль, всю красоту и величіе духа молодыхъ силъ, когда-то великой и нынѣ истерзанной Родины.

20-го января изъ Екатеринодара былъ высланъ головной отрядъ войскового старшины Галаева, который долженъ былъ занять Чибійскій желѣзнодорожный мостъ, въ трехъ верстахъ отъ разъѣзда Энемъ, на которомъ уже находились части противника, войти съ ними въ соприкосновеніе и ожидать подхода главныхъ силъ.

Въ тотъ-же день, въ 10 ч. вечера, нашъ отрядъ выстроился по Бурсаковской улицѣ. На правомъ флангѣ пѣшія сотни, лѣвѣе ихъ пулеметная команда, а на лѣвомъ флангѣ наша маленькая артиллерія. Отрядъ былъ усиленъ сотнею добровольцевъ, стариковъ казаковъ станицы Пашковской, подъ командою сотника Бохана. Эта сотня состояла изъ типичныхъ «дідовъ», еще недавнихъ потомковъ запорожцевъ и была вооружена «берданками», т. к. старики не были знакомы съ нынѣшнимъ скорострѣльнымъ оружіемъ.

Вотъ все, что намъ дало Кубанское Войско для перваго боя, рѣшавшаго тогда судьбу его родной земли.

Да проститъ меня казакъ, читающій эти строки. Казачество позднѣе искупило свои грѣхи. Ужасная

гражданская война обезкровила и его, испепелила когда-то богатѣйшій край, но этого грѣха, грѣха первороднаго, простить нельзя...

Вотъ что было!

А если-бы половина — пусть одна треть всѣхъ казаковъ, — понявъ въ самомъ началѣ насильное противъ нихъ движеніе, поднялась-бы на защиту роднаго края и матери Руси!..

Гулко по затихшей улицѣ пронеслись слова команды, — отрядъ встрѣчалъ своего начальника.

Покровскій приказалъ окружить его. Въ краткихъ словахъ онъ обрисовалъ обстановку и задачу отряда. — «Въ городъ мы можемъ вернуться только побѣдителями,» — закончилъ онъ. Всѣ заняли свои мѣста и отрядъ сталъ вытягиваться по направленію къ Владикавказскому вокзалу.

Немногіе въ эту ночь спали въ Екатеринодарѣ. Одни, съ тихой молитвой спасенія, другіе со злорадною надеждою прихода «своихъ», ждали завтрашняго дня.

Небольшой отрядъ быстро погрузился въ приготовленные составы.

Послышались гудки паровозовъ. Мы двигаемся.

На разсвѣтѣ приближаемся къ Чибійскому мосту. Поѣзда останавливаются. Около штабного вагона слыш-

ны голоса. Начальникъ головного отряда войсковой старшина Галаевъ насъ встрѣчаетъ и докладываетъ Покровскому о положеніи дѣлъ. Мы направляемся къ мосту, гдѣ у сторожевой будки сговариваемся о планѣ дѣйствій.

Пасмурное январьское утро. Влѣво и вправо отъ моста виднѣются рѣдкія стрѣлковыя цѣпи. Впереди моста завалы изъ шпалъ, за ними пулеметы. Мое вниманіе приковываетъ стройная фигура молодого офицера въ черкескѣ и бѣлой папахѣ, что-то поправляющаго у пулемета. Присматриваюсь ближе; это — дѣвушка, офицеръ Зинаида Бархашъ. Была она и въ послѣднихъ Галиційскихъ бояхъ, была и въ Зимнемъ дворцѣ съ горстью юнкеровъ и женщинъ, защищавшихъ временное правительство, чудомъ уцѣлѣла, пробралась на Кубань, гдѣ вступила въ ряды добровольцевъ. Зинаида Бархашъ это — яркій, чистый, самоотверженный образъ русской женщины. На Кубани ее помнятъ и не забудутъ. Она вмѣстѣ со своимъ начальникомъ отряда, славнымъ Галаевымъ, первая, въ первомъ-же бою на Кубани была сражена большевистскою пулею.

Екатеринодаръ торжественно похоронилъ тѣла этихъ героевъ въ усыпальницѣ Екатеринодарскаго войскового собора.

Пусть обновленная Россія, надѣюсь въ близкіе дни воскресенія своего, вспомнитъ эти имена, эти яркіе жертвенные образы!

Я подошелъ къ ней и молча пожалъ руку. Она была спокойна и дѣловито сосредоточена. И какъ я былъ далекъ тогда отъ мысли, что вижу ее въ послѣдній разъ!

Рѣшеніе было принято слѣдующее: Галаевъ долженъ остаться на мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы привлечь вниманіе противника рѣдкимъ орудійнымъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Покровскій съ главными силами пойдетъ въ обходъ черезъ Тахтамукаевскій аулъ и на высотѣ хуторовъ Чернова выйдетъ для аттаки противника въ тылъ и его правый флангъ.

Я справился съ картою и быстро сдѣлалъ расчетъ времени и движенія. Общая аттака назначена была точно на полдень, а задача — овладѣніе разъѣздомъ Энемъ.

Наши переговоры съ Галаевымъ были прерваны подошедшимъ казакомъ, который доложилъ, что со стороны Энемскаго разъѣзда къ нашей позиціи направляются два человѣка съ бѣлымъ флагомъ: это были парламентеры большевиковъ. Покровскій приказалъ ихъ принять и препроводить къ нему.

При взглядѣ на нихъ, подъ штатскимъ платьемъ нельзя было разобрать профессій этихъ людей: переодѣтые ли это солдаты, или рабочіе, а можетъ быть полу-

интеллигенты. Одинъ обратился къ намъ со словами: «Кто здѣсь является начальникомъ?» — Ему указали на Покровскаго. Тономъ митинговаго заправилы, очевидно для должнаго на насъ впечатлѣнія, онъ назвалъ себя делегатомъ ревсовѣта Новороссійскаго гарнизона, который уполномочилъ его и его товарища, въ качествѣ парламентеровъ, вступить съ нами въ переговоры о безпрепятственномъ движеніи головныхъ частей красной арміи въ Екатеринодаръ, признаніи власти совѣтовъ и роспускѣ добровольцевъ. Воспользовавшись минутнымъ молчаніемъ, онъ сталъ распространяться на тему о завоеваніяхъ революціи, о мощи и силѣ революціоннаго пролетаріата, его арміи и т. д. Покровскій прервалъ его словами: «Я и мои войска разсматриваемъ васъ и васъ пославшихъ какъ бандитовъ и разбойниковъ и никакихъ переговоровъ съ вами вести не станемъ.» Затѣмъ онъ обратился къ стоявшимъ вблизи офицерамъ и приказалъ арестовать этихъ «парламентеровъ». Послѣдніе пытались что-то возражать, но категоричность отвѣта и приказанія быстро сбила пылъ этихъ лицъ и они молчаливо подчинились своей участи.

Намъ нужно было продолжать свое движеніе къ аулу Тахтамукай.

Къ 9 часамъ утра голова колонны уже была на мосту черезъ Афипсисъ и отрядъ сталъ по узкимъ улицамъ входить въ аулъ.

На аульной площади насъ встрѣтили старики черкесы. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Покровскому, привѣтствовалъ его, пожелалъ успѣха и на характерномъ гортанномъ нарѣчіи сказалъ: «Сегодня утромъ наши люди были на Энемѣ, тамъ большевиковъ тысячи, у нихъ много пушекъ и пулеметовъ. Неужели думаешь ты съ горстью этихъ людей — (онъ указалъ на нашъ отрядъ) — побѣдить ихъ?»

Но не до разговоровъ теперь. Послѣ короткаго привала отрядъ двинулся дальше.

Вотъ мы за околицею. Впереди виднѣются крыши построекъ хуторовъ братьевъ Черновыхъ; Энемъ близокъ.

Отрядъ перешелъ въ боевой порядокъ: впереди — развѣдчики; сотни разсыпались въ цѣпь, — всѣ въ боевой линіи, — резервовъ никакихъ. Не успѣли пройти и нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ изъ цѣпи донесеніе, — впереди видна стрѣлковая цѣпь противника. Всматриваемся. Дѣйствительно въ бинокль ясно видны непріятельскіе окопы, изъ-за кустарника, прикрывающаго ихъ, поднимаются высокія бараньи шапки. Это — несомнѣнно казаки.

Неужели сейчасъ придется намъ драться съ ними?

Стрѣльбы не слышно. Покровскій приказываетъ огня не открывать и двигаться дальше. Сходимся все ближе и ближе и даже невооруженнымъ глазомъ отлич-

но видны отдѣльные стрѣлки. Жуткое молчаніе — ни выстрѣла, ни звука. Что бы это значило? Когда подошли совсѣмъ близко, кто-то изъ нашихъ крикнулъ: «Да кто-же вы такіе?» Въ отвѣтъ, сперва медленно, а затѣмъ все быстрѣй, начинаютъ подыматься залегшіе пластуны, при чемъ многіе изъ нихъ въ знакъ покорности втыкаютъ штыками въ землю свои винтовки. Къ Покровскому быстро направляется старшій урядникъ, который, приложивъ руку къ головному убору, отчетливо докладываетъ о томъ, что это — двѣ сотни пластуновъ станицы Георгіе-Афипской, что наканунѣ занявшіе станицу большевики насильственно ихъ «сгорнызовали» и направили сюда прикрывать ихъ правый флангъ, что они воевать со своими не хотятъ, выражаютъ полную покорность и готовы выполнить приказанія законной краевой власти. Покровскій рѣзко пристыдилъ казаковъ и приказалъ сложить оружіе и патроны. Подъ конвоемъ взвода стариковъ пашковцевъ сдавшихся отправили въ тылъ — Тахтамукаевскій аулъ. Наши цѣпи продвинулись дальше и вскорѣ увидѣли станціонныя сооруженія, маневры паровозовъ. . .

Звучно щелкнулъ первый выстрѣлъ и эхомъ прокатился по полю. Зловѣщая тишина и вдругъ — сухой, слившійся въ одну грозную гамму, трескъ сотенъ винтовокъ. . . Жужжатъ пули.

Высоко надъ нами разорвалась первая шрапнель; на лѣвомъ флангѣ заговорили пулеметы, — то славный Морочный «кроетъ» по большевикамъ. Въ полный ростъ, не залегая, не пригибаясь, сотни частыми перебѣжками, увлекаемыя своими начальниками, быстро продвинулись впередъ. Снова разрывъ шрапнели, ему вторятъ десятки другихъ. Вблизи меня «клюнулъ» снарядъ, развернулъ воронку, меня отбросило на нѣсколько шаговъ въ сторону, обсыпавъ землей и мелкими каменьями. Поднялся и увидѣлъ раненаго — юношу юнкера, который пытался ползти, такъ какъ у него было перебито бедро. Я крикнулъ случайно подвернувшемуся: — «помоги ему! не бросайте». — «Не надо, не надо, — слабымъ голосомъ отвѣтилъ юнкеръ, — бросьте меня, — впередъ. Идите впередъ!» — На правомъ нашемъ флангѣ гремитъ ура, то наши уже ворвались на разъѣздъ. Громкое ура перекатами несется по цѣпямъ.

Какая-то невидимая сила подхватила и понесла всѣхъ впередъ, — къ желѣзнодорожной насыпи, къ маленькому облѣпившему вокзалъ поселку. Стрѣляли рѣдко, шелъ рукопашный бой. Въ одномъ мѣстѣ слышится ура, въ другомъ звучно раздаются короткія фразы командъ и приказаній.

Большевики въ паникѣ: они не ждали столь внезапнаго обхода. Наша стремительная аттака сбила ихъ, смѣшала всѣ карты и они перестали защищаться.

Бросивъ пушки, пулеметы, ружья, они обратились въ бѣгство вдоль желѣзнодорожной линіи и разсыпались по всему полю. Пулеметы продолжали косить ихъ и видно было, какъ падали повсюду сраженные одураченные «борцы за свободу».

На самомъ разъѣздѣ слышны одиночные выстрѣлы. Жестокая гражданская война не знаетъ пощады, — плѣнный сдавшійся, тотъ-же врагъ, — все уничтожается.

У входа въ станціонное зданіе я видѣлъ такую сцену. Командиръ сотни, войсковой старшина Шайторъ, обращаясь къ блѣдному молодому человѣку, спросилъ его: «кто вы такой?» — «Я юнкеръ Яковлевъ, командующій...» Сухой револьверный выстрѣлъ и командиръ большевистскаго отряда, юнкеръ Яковлевъ, не окончивъ фразы, свалился съ раздробленной головой.

Тамъ подавали первую помощь раненымъ. Слышны возгласы, — Покровцы! Галаевцы! То свои же перекликались между собою, опасаясь задѣть и случайно ранить въ общей суматохѣ другъ друга. Стрѣльба стихла. Раздались слова команды прекратить огонь. Много большевиковъ спряталось по вагонамъ, станціоннымъ зданіямъ, ихъ вылавливали оттуда. Постепенно порядокъ наладился. Люди стали собираться къ своимъ командирамъ, шла перекличка для выясненія именъ отсутствующихъ.

Вотъ нѣсколько человѣкъ несутъ на рукахъ тяжело раненаго начальника пулеметной команды, поручика Морочнаго, онъ раненъ смертельно нѣсколькими пулями въ грудь и животъ. Начальникъ отряда подходитъ къ нему, пожимаетъ руку и поздравляетъ съ побѣдой; на гаснущихъ глазахъ Морочнаго слезы, онъ пытается что-то отвѣтить, но только лишь стонъ вырывается изъ его нѣмѣющихъ устъ, черезъ нѣсколько минутъ онъ испускаетъ послѣдній вздохъ и умираетъ на рукахъ своихъ соратниковъ.

Пусть Кубанская земля будетъ пухомъ Морочному.

Мы всѣ его любили за порывъ, за полное пренебреженіе къ смерти. Онъ былъ скромнымъ, честнымъ, отлично знающимъ свое дѣло офицеромъ. Его пулеметная команда въ Энемскомъ бою нанесла огромныя потери большевикамъ и облегчила задачу нашего отряда.

Побѣда заполнила всѣхъ; всюду сіяющія лица, — вѣдь въ отдѣльности здѣсь каждый — герой, каждый — побѣдитель.

Наши потери выразились въ слѣдующихъ цыфрахъ: убитыхъ 12 человѣкъ, раненыхъ — 21. Внезапность, быстрота дѣйствій спасли насъ отъ неминуемыхъ, гораздо болѣе значительныхъ жертвъ.

Большевики и морально и матеріально были разгромлены, потери ихъ были одними убитыми до 1000

человѣкъ и среди нихъ главный руководитель — Яковлевъ. Вся матеріальная ихъ часть досталась намъ: 6 полевыхъ орудій, 18 тяжелыхъ, 22 легкихъ пулеметовъ, до 2000 винтовокъ, огромное количество снарядовъ, патроновъ, неразгруженные составы съ обмундированіемъ, снаряженіемъ, провіантомъ, цѣлый санитарный составъ съ личнымъ персоналомъ были нашими трофеями. Но главное было то, что и большевики, и свои-же въ Екатеринодарѣ увидѣли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Воинственный пылъ первыхъ исчезъ, вторые психологически прозрѣли и воочію убѣдились, на что способны были добровольческія части.

Вѣсть объ Энемскомъ боѣ быстро разнеслась. Екатеринодаръ ликовалъ. Уже къ вечеру было налажено желѣзнодорожное и телеграфное сообщенія между Екатеринодаромъ и Энемомъ. Первымъ къ намъ прибылъ небольшой, но прекрасно оборудованный врачами Барановымъ и Хунцарія санитарный составъ, который, открывъ перевязочный пунктъ на разъѣздѣ, увезъ въ городъ нашихъ раненыхъ и убитыхъ. Городское самоуправленіе прислало хлѣбъ и провіантъ; стали прибывать одиночные новые добровольцы, — офицеры, казаки, учащаяся молодежь. Поздно вечеромъ прибыла и вошла въ составъ отряда первая регулярная казачья часть, — то была сотня Гвардейскаго Кубанскаго дивизіона (бывшій конвой Его Величества),

подъ командой сотника Нагайца. Все это еще больше бодрило насъ, — вѣдь всего нѣсколько часовъ тому назадъ мы, — «праздные мечтатели» и «Донъ Кихоты» — были такъ одиноки.

Всѣ успокоились и сладко заснули послѣ боевого дня. Но, — «. . . Не спи казакъ, — во тьмѣ ночной, чеченецъ ходитъ за рѣкой. . .»

Много впереди насъ ждало испытаній, много видѣли счастья побѣднаго, много испытали пораженій, втянулись въ борьбу, сердца огрубѣли и уже не могли столь чутко реагировать на происходившее.

Однако первый бой на Кубани — 22 января 1918 г. подъ Энемомъ останется и намъ и, будемъ вѣрить, потомству памятной свѣтлой страницей, — начала героической борьбы горсти честныхъ русскихъ людей, которые величіемъ духа сумѣли побѣдить и положить начало дальнѣйшей борьбы со всеразрушающимъ духомъ тьмы и зла — большевизмомъ.

Бой подъ станицей Георгіе-Афипской.

Разбитые подъ Энемомъ большевики частью разсѣялись, частью сосредоточились на станціи и въ станицѣ Георгіе-Афипской, — въ шести верстахъ отъ разъѣзда Энемъ.

Главковерхъ Серадзе, командовавшій всѣми большевистскими силами, дѣйствовавшими подъ Екатеринодаромъ со стороны Новороссійска, рѣшилъ сосредоточить всѣ свои войска на станціи Георгіе-Афипской, обрушиться и раздавить насъ и занять Екатеринодаръ. Въ своихъ донесеніяхъ Новороссійскому ревсовѣту (позднѣе вся переписка его штаба попала къ намъ въ руки) онъ доносилъ о своихъ планахъ, требовалъ немедленныхъ пополненій, присылки оружія, снарядовъ и патроновъ. О неудачѣ подъ Энемомъ онъ сообщалъ, какъ о незначительномъ боевомъ эпизодѣ. «. . . Бѣлогвардейцевъ хотя и немного, но они отлично вооружены; у нихъ въ изобиліи — артиллерія и пуле-

меты. . .» писалъ онъ, умышленно преувеличивая наши силы.

Три дня нашъ отрядъ, ведя неустанную развѣдку въ сторону Георгіе-Афипской, оставался на Энемѣ. За это время онъ пополнился прибывшими изъ Екатеринодара одной сотней юнкеровъ Кубано-Софіевскаго военнаго училища и двумя сотнями Черкесскаго коннаго полка. Юнкеровъ привелъ ихъ курсовой офицеръ капитанъ Трипольскій; эта во всѣхъ отношеніяхъ образцовая часть внесла съ собой исключительный духъ и всегда и во всемъ являла примѣръ дисциплины, стойкости и мужества. На Энемъ продолжали прибывать и одиночные добровольцы. Къ 26-му января отрядъ численно увеличился до 1300 человѣкъ.

Сводка свѣдѣній о противникѣ, — его силахъ и расположеніи была такова: у Серадзе было до 6000 штыковъ, 12 полевыхъ орудій, 40 пулеметовъ. Подтверждались свѣдѣнія о томъ, что большевики спѣшно снимаютъ дальнобойныя орудія береговой батареи, установленной на Станичкѣ — предмѣстіе Новороссійска — еще во время войны и направляютъ ихъ на Афипскую. Станція и станица Георгіе-Афипская являлась отличною позиціею для противника. Нѣсколько возвышаясь надъ остальной мѣстностью, фронтъ ея прикрытъ притокомъ Кубани-Афипсомъ; желѣзнодорожный мостъ черезъ эту рѣчку и броды на ней были въ рукахъ больше-

виковъ. Нѣсколько человѣкъ стариковъ казаковъ, ночью пробравшихся къ намъ изъ Афипской, сообщили, что силы Серадзе все время увеличиваются прибывающими изъ Новороссійска частями и что большевики въ ближайшіе дни готовятся перейти въ наступленіе.

Учитывая соотношеніе силъ, ихъ расположеніе и все время возрастающее накапливаніе противника, Покровскій принялъ слѣдующее рѣшеніе: скрытымъ подходомъ сбить ночью сильную заставу большевиковъ на желѣзнодорожномъ мосту черезъ Афипсисъ и внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ выбить противника изъ станціи и станицы. Дивизіонъ Черкесскаго коннаго полка долженъ былъ занять ближайшій къ Афипской аулъ Верхній Бжегокай, переправиться вбродъ черезъ Афипсисъ и при общей аттакѣ дѣйствовать во флангъ и тылъ красныхъ. Сотня Гвардейскаго дивизіона оставалась въ общемъ резервѣ.

Близость къ противнику, свойства и обстановка гражданской войны дѣлали то, что принятое рѣшеніе держалось въ тайнѣ.

Около 11 часовъ вечера 26-го января послѣдовало приказаніе частямъ построиться. Покровскій лично объяснилъ людямъ заданіе; имъ было указано на то, что штыкъ — лучшее оружіе въ ночномъ бою, что тишина и всѣ мѣры предосторожности необходимы для успѣха нападенія. Для того, что-бы въ темнотѣ можно

было отличить своихъ отъ противника, людямъ была роздана марля, изъ которой каждый сдѣлалъ себѣ повязку на лѣвомъ рукавѣ.

Ровно въ полночь первая сотня подъ командою войскового старшины Шайтора выступила съ разъѣзда и двинулась вдоль желѣзнодорожнаго полотна къ Афипской. Въ непосредственной близости за ней слѣдовали главныя илы. Черкесы къ этому времени заняли аулъ Верхній Бжегокай, откуда и прислали донесеніе.

Безшумно, подъ покровомъ ночи, наша головная сотня подошла къ желѣзнодорожному мосту. Большевистскій караулъ бодрствовалъ; на окликъ часового: — Стой! Кто идетъ? раздалось ура! и полевой караулъ противника былъ смятъ, переколотъ и сброшенъ съ моста въ Афипсисъ. Вслѣдъ за тѣмъ вся наша колонна бросилась черезъ мостъ къ станціи.

Нашъ ночной налетъ ошеломилъ большевиковъ. Всѣ бросились спасаться куда и какъ могли. Серадзе со своимъ штабомъ сновалъ по платформѣ, отдавая какія-то приказанія, но его ужъ никто не слушалъ. Къ нему подбѣжалъ корнетъ Муссаевъ и ударилъ его штыкомъ въ грудь; Серадзе выстрѣлилъ изъ револьвера и раздробилъ Муссаеву челюсть; оба упали тутъ-же. Большинство красныхъ находилось въ станціонныхъ зданіяхъ и въ моментъ нашего нападенія спали. Крики

ура! и выстрѣлы ихъ разбудили. Не разбираясь въ происходящемъ, вся ихъ грязная, обезумѣвшая отъ страха масса заполнила помѣщенія 1,2 и 3-го классовъ и проходы и безпомощно металась изъ стороны въ сторону. Кто-то изъ нашихъ офицеровъ скомандовалъ: смирно! Положить оружіе! Руки вверхъ! и всѣ безмолвно повиновались.

Въ комнатахъ дежурныхъ желѣзнодорожныхъ агентовъ широко расположился большевистскій штабъ; часть чиновъ его разбѣжалась, часть попала къ намъ въ руки, вмѣстѣ со всей канцеляріей.

За разоруженіемъ, расправой съ сопротивлявшимися и укрывшимися, сборомъ оружія и опросомъ плѣнныхъ, мы не замѣтили, какъ наступилъ разсвѣтъ. Пришлось собрать отрядъ въ кулакъ, такъ какъ не исключалась возможность, что разсѣявшіеся по полю и главнымъ образомъ отошедшіе на станцію Сѣверскую (въ 6 верстахъ отъ Георгіе-Афипской) большевики съ разсвѣтомъ перейдутъ въ наступленіе.

Предположенія наши вскорѣ оправдались. Сосредоточившись на Сѣверской и приведя части въ порядокъ, противникъ въ 7 часовъ утра повелъ наступленіе на Афипскую. Развернувъ вправо и влѣво отъ желѣзнодорожнаго полотна стрѣлковыя цѣпи, имѣя въ центрѣ составъ съ установленными на открытыхъ

платформахъ вѣеромъ 4-мя орудіями, онъ началъ обстрѣлъ Афипской.

Ночное дѣло сильно утомило нашихъ людей, но тѣмъ не менѣе сотни быстро разсыпались въ цѣпь и заняли позицію. Затрещали ружья и пулеметы. Большевики открыли ураганный артиллерійскій огонь, засыпая территорію вокзала снарядами. Положеніе становилось серьезнымъ, но подошедшіе изъ Энема наши два орудія быстро заставили замолчать подвижную батарею противника.

Мнѣ довелось наблюдать интересную картину артиллерійскаго поединка. Большевики не щадили снарядовъ и безпорядочно вели огонь, доводя его до крайняго напряженія. Командиръ нашей полу-батареи — капитанъ Никитинъ, установивъ орудія и точно опредѣливъ прицѣлы, очень удачно «взялъ въ вилку» составъ противника и, все время суживая ее, седьмымъ или восьмымъ снарядомъ угодилъ въ непріятельскій паровозъ; произошелъ эффектный взрывъ; орудійная прислуга, бросивъ свои пушки, разбѣжалась. Почти въ то-же время, въ тылу противника, раздались оглушительные взрывы, то — высланный подъ командой сотника Нагайца, съ подрывнымъ матеріаломъ, взводъ Кубанскаго гвардейскаго дивизіона совершилъ исключительное по отвагѣ дѣло; онъ зашелъ въ тылъ противнику и взорвалъ желѣзнодорожные лотки. Ошеломлен-

ные большевики поспѣшно стали отходить на Сѣверскую. Наши стрѣлковыя цѣпи, перейдя въ наступленіе, преслѣдовали ихъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Батарея противника оказалась въ нашихъ рукахъ.

Крайняя изнуренность пѣхоты, отсутствіе у насъ резервовъ и въ должномъ количествѣ конницы сдѣлали то, что мы не смогли далѣе преслѣдовать отступавшихъ.

Къ пополудню бой закончился. Въ то время на Афипскую прибылъ Войсковой Атаманъ, командовавшій войсками области генералъ И. Е. Гулыга, предсѣдатель правительства Бычъ, члены краевой рады и другія должностныя лица.

Атаманъ былъ въ черкесскѣ, при винтовкѣ и патронташѣ. Онъ обратился къ собраннымъ частямъ отряда съ рѣчью, въ которой поздравилъ ихъ съ исключительной побѣдой. Указавъ на то огромное значеніе, которое она имѣетъ для Области, онъ выразилъ увѣренность, что послѣ нея, увидя доброе начало, казаки, какъ одинъ, подымутся на защиту родного края и, соединившись съ Дономъ и Терекомъ, пойдутъ на освобожденіе отъ большевиковъ общей матери Россіи. Поблагодаривъ еще разъ части, онъ направился въ станицу, гдѣ былъ встрѣченъ сборомъ казаковъ-станичниковъ.

Еще такъ недавно недовѣрчиво относившіеся къ добровольцамъ члены Кубанской краевой рады были въ этотъ день весьма любезны къ намъ; они братались съ отдѣльными бойцами, распрашивали о подробностяхъ боевъ и благодарили за дружную боевую работу. Всѣ они, и болѣе другихъ представитель лѣваго крыла рады И. Макаренко, завѣряли добровольцевъ въ томъ, что Кубань никогда не забудетъ ихъ подвига и ихъ именъ, что заботами правительства всячески будутъ устроены наши раненые, что имена павшихъ въ бояхъ будутъ увѣковѣчены и семьи ихъ обезпечены казной.

Послѣ обхода частей и посѣщенія станичнаго сбора, подъ предсѣдательствомъ Войскового Атамана состоялось военное совѣщаніе. Покровскій доложилъ о ходѣ операцій. Учитывая моральное состояніе частей нашего отряда и разгромленнаго противника, онъ настаивалъ на немедленномъ дальнѣйшемъ развитіи успѣха, окончательной ликвидаціи большевиковъ и занятіи Новороссійска, съ паденіемъ котораго вся Черноморская Область была-бы освобождена отъ власти совѣтовъ.

Полковникъ Филимоновъ внимательно выслушалъ докладъ, но всѣ понимали, что какія-то иныя мысли заполнили его и, сочувствуя высказанному плану, онъ въ то-же время не могъ согласиться съ нимъ. Дѣйствительно, тѣ свѣдѣнія, которыми располагалъ Атаманъ

и которыми онъ подѣлился съ присутствовавшими на совѣщаніи, были настолько значительны, что пришлось оставить мысль о дальнѣйшемъ наступленіи на Новороссійскъ и принять рѣшеніе, при которомъ отрядъ перебрасывался въ діаметрально противоположномъ направленіи — къ ст. Тихорѣцкой.

Дѣло было въ томъ, что, освѣдомленные о неудачахъ своихъ новороссійскихъ товарищей, большевики стали спѣшно сосредоточивать значительныя силы на станціяхъ Тихорѣцкой и Кавказской, при чемъ Екатеринодаръ, не имѣвшій абсолютно никакихъ заслоновъ на этихъ направленіяхъ, оставался незащищеннымъ и судьба его такимъ образомъ могла рѣшиться въ ближайшіе дни.

Поздно вечеромъ отрядъ былъ погруженъ въ прибывшіе изъ Екатеринодара желѣзнодорожные составы и перевезенъ на Энемъ, гдѣ, не разгружаясь, заночевалъ.

На Афипской, какъ заслонъ, была оставлена одна сотня казаковъ Пашковцевъ подъ командой сотника Бохана и двѣ пушки; для несенія сторожевой и гарнизонной службы въ станицѣ Георгіе-Афипской были сформированы двѣ пѣшія сотни изъ казаковъ этой станицы. Общее командованіе оставленными частями было возложено на начальника артиллерійскаго взвода подполковника Полянскаго.

Всего въ бояхъ подъ Энемомъ и Георгіе-Афинской нами было взято: 14 полевыхъ орудій, болѣе 60 пулеметовъ, огромное количество винтовокъ, патроновъ и проч. военнаго имущества. Дважды разбитый противникъ оставилъ въ нашихъ рукахъ почти всю свою матеріальную часть и, потерявъ убитыми, ранеными и плѣнными болѣе 4000 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ своихъ «командармовъ» — Серадзе и Яковлева, уже больше не пытался наступать а, вмѣсто захвата Екатеринодара, перенесъ свой весьма слабый фронтъ на станцію Тонельную, — гдѣ перешелъ къ оборонѣ Новороссійска въ непосредственной близости къ послѣднему.

Встрѣча Отряда въ Екатеринодарѣ. Сформированіе отряда полковника Лисивицкаго. Выступленіе частей на Кавказскій и Тихорѣцкій фронты.

Екатеринодаръ готовилъ намъ торжественную встрѣчу. Войсковой Атаманъ съ чинами войскового штаба, члены краевого правительства и рады, городской голова съ членами думы, многочисленные представители различныхъ учрежденій и корпорацій и публика заполнили дебаркадеръ и залы Владикавказскаго вокзала. На ведущей къ городу Екатерининской улицѣ шпалерами расположились: въ почетномъ караулѣ, со штандартомъ и хоромъ трубачей Кубанскій гв. дивизіонъ, юнкера Кубано-Софіевскаго военнаго училища, учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній города, Маріинскій институтъ и женскія гимназіи. Балконы и стѣны домовъ украсились національными флагами. Городомъ и дамскимъ кружкомъ въ одномъ изъ самыхъ

помѣстительныхъ ресторановъ былъ устроенъ роскошный обѣдъ для всѣхъ чиновъ отряда.

Эшелоны подошли къ вокзалу; люди быстро высадились изъ вагоновъ и выстроились. Капитанъ Покровскій подошелъ съ рапортомъ къ Войсковому Атаману.

Полковникъ Филимоновъ принялъ рапортъ и трижды поцѣловалъ Покровскаго. Слезы радости были на глазахъ его и присутствовавшихъ. Съ краткой, но чрезвычайно проникновенной рѣчью онъ обратился къ отряду, благодаря офицеровъ, казаковъ и добровольцевъ за подвигъ, за добрый починъ, который послужитъ для всѣхъ колеблющихся и малодушныхъ призывомъ встать на защиту Родины и чести и достоянія Войска.

«Имена ваши исторія внесетъ на свои скрижали и передастъ изъ рода въ родъ вашъ подвигъ.»

Обратившись къ Покровскому, Атаманъ сказалъ: «Отъ имени Кубанскаго Казачьяго Войска, его правительства и рады за исключительныя ваши заслуги передъ Областью — награждаю Васъ чиномъ Полковника и прошу теперь-же представить всѣхъ чиновъ отряда къ боевымъ наградамъ.»

Адъютантъ Атамана тутъ-же пристегнулъ Покровскому штабъ-офицерскіе погоны. Раздалось громкое ура. Покровскаго подняли на руки и понесли къ выходу.

Только героевъ сѣдой древности могли такъ встрѣчать ихъ сограждане, какъ въ этотъ день встрѣчалъ насъ освобожденный Екатеринодаръ и только тѣмъ, кто уже пережилъ весь ужасъ ожиданія прихода и воцаренія разнузданной, жаждущей крови большевистской черни, станетъ понятна неподдѣльная радость и ликованіе екатеринодарцевъ въ этотъ памятный для нихъ день. Имя Покровскаго было у всѣхъ на устахъ и каждый изъ насъ, его соратниковъ, былъ предметомъ восторженныхъ овацій, теплаго вниманія и участія со стороны гражданъ.

Вѣсть о нашей побѣдѣ быстро разнеслась по области. Со всѣхъ концовъ стали стекаться въ Екатеринодаръ добровольцы, спѣшившіе записаться въ отрядъ. Численность послѣдняго значительно увеличилась. Краевое правительство и общественныя организаціи теперь уже болѣе охотно пошли на встрѣчу нуждамъ бойцовъ; первые столь удачные боевые успѣхи внушили имъ вѣру въ наши силы и подняли авторитетъ имени Покровскаго и его сподвижниковъ.

Дальнѣйшее движеніе большевиковъ на Екатеринодаръ, какъ объ этомъ я и упоминалъ, ожидалось со стороны станцій Кавказской и Тихорѣцкой. Желѣзнодорожныя линіи, идущія отъ этихъ пунктовъ къ Екатеринодару, подъ острымъ угломъ пересѣкались въ послѣднемъ и необходимо было организовать оборону

на этихъ двухъ направленіяхъ такимъ образомъ, чтобы не только дѣйствовать самостоятельными отрядами на каждомъ изъ нихъ, но и связать ихъ между собою, съ цѣлью предупредить и парализовать прорывъ противника между желѣзнодорожными линіями.

Одному отряду Покровскаго не по силамъ была эта задача; тогда рѣшено было спѣшно приступить къ формированію второго отряда изъ трехъ родовъ оружія и самостоятельной конной группы, которая предназначалась для дѣйствій и связи между двумя отрядами.

Начальникомъ второго отряда былъ назначенъ полковникъ Лисевицкій. Начальникомъ конной группы вначалѣ былъ войсковой старшина Посполитаки, а затѣмъ полковникъ Кузнецовъ.

Всѣ эти отдѣльные начальники погибли въ бояхъ; ихъ доблесть, честно выполненный долгъ офицера ничто никогда не заглушитъ. Имя полковника Лисевицкаго должно быть увѣковѣчено среди безчисленныхъ именъ героевъ когда-то славной Русской Арміи. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся офицеръ, служившій всегда и во всемъ образцомъ для своихъ подчиненныхъ. Его отрядъ заслужилъ неувядаемую славу при оборонѣ Екатеринодара. Генеральный штабъ, питомцемъ коего былъ Лисевицкій, не забудетъ этого славнаго имени.

Между 1 и 3 февраля отряды выступили изъ города на фронтъ. Покровскій былъ назначенъ начальникомъ обороны города и ему были подчинены всѣ дѣйствовавшія противъ большевиковъ силы.

Фронтъ борьбы ширился, вмѣстѣ съ тѣмъ ширилась и организація. Войсковымъ штабомъ для руководства операціями были привлечены находившіеся въ Екатеринодарѣ офицеры генеральнаго штаба. Я, какъ «смертный», т. е. офицеръ не генеральнаго штаба былъ смѣненъ со своей должности начальника штаба отряда и по предписанію войскового штаба въ нее вступилъ полковникъ Ребдевъ. Пусть не подумаетъ читатель, что затронутое служебное самолюбіе побуждаетъ меня зафиксировать въ своихъ очеркахъ нѣкоторыя детали, которыя, казалось-бы, имѣли отношеніе только ко мнѣ и не могли-бы вліять на ходъ событій. Но этотъ фактъ, давшій вскорѣ болѣе чѣмъ отрицательные результаты, является чрезвычайно показательнымъ для оцѣнки дѣятельности высшаго въ области военнаго центра, каковымъ былъ штабъ Кубанскаго войска.

Стихійное движеніе, собравшее вокругъ Покровскаго горсть храбрецовъ, нельзя было на фонѣ всего происходившаго разсматривать, какъ организованное начало, какъ войсковую часть, питаемую людскими и

матеріальными пополненіями и включенную въ опредѣленныя рамки уставныхъ, тактическихъ и административныхъ требованій. Боевая организація, создавшаяся путемъ частнаго почина, внѣ вліянія войскового штаба, зарекомендовавшая себя съ наилучшей стороны въ первыхъ бояхъ, только въ одномъ могла приковывать вниманіе и попеченіе штаба, — въ дѣлѣ снабженія ея всѣмъ необходимымъ, широкимъ призывомъ въ ея ряды добровольцевъ и поддержаніемъ авторитета ея начальниковъ и бодраго духа бойцовъ. Къ большому сожалѣнію, привычное желаніе властвовать, управлять, смѣнять, предписывать и требовать, — и ничего взамѣнъ не давать, вотъ что въ дѣйствительности было предъявлено штабомъ къ здоровому началу, вотъ что было первыми палками въ колеса нашей нехитрой организаціи. Стоитъ только вновь вспомнить имена господъ Букретовыхъ, Бѣлоусовыхъ, Куницыныхъ и многихъ другихъ представителей войскового штаба, чтобы прійти къ тяжелому, но неизбѣжному выводу: огромную свою роль въ эти историческіе дни бытія Кубанскаго войска его штабъ въ лучшемъ случаѣ свелъ на нѣтъ.

Я знаю, что смѣна моя, да еще въ обстановкѣ боевой — въ то время, когда я въ кругѣ своего вѣдѣнія, заканчивалъ операціи надъ Энемомъ и Георгіе-Афипской, какъ среди чиновъ отряда, такъ и лицъ, стоявшихъ близ-

ко къ его зарожденію, жизни и дѣятельности, вызвала недоумѣнія и толки. Когда, послѣ торжественной встрѣчи отряда въ Екатеринодарѣ, я обратился къ начальнику войскового штаба ген. штаба полковнику Науменко и спросилъ его о причинахъ моей смѣны, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что согласно «штатамъ» эта должность замѣщается офицеромъ генеральнаго штаба. Начиная съ Русско-Японской войны, я слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ повадками нашихъ штабовъ и этотъ «классическій» отвѣтъ меня не удивилъ.

И такъ во всемъ на протяженіи трехъ лѣтъ кровавой борьбы. У нихъ — фельдшера Сорокины, вахмистры Буденные, — у насъ — «штаты» и положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время; у нихъ — вся грубая дѣйствительность вооруженной борьбы, — у насъ бѣлыя перчатки и разстановка мебели во время пожара.

Бои на Тихорѣцкомъ и Кавказскомъ направленіяхъ. Выселки. Неравная борьба и отходъ отрядовъ на Екатеринодаръ. 28-ое февраля 1918 г. Оставленіе Екатеринодара.

Борьба на Тихорѣцкомъ и Кавказскомъ направленіяхъ, продолжавшаяся втеченіе всего февраля, протекала въ обстановкѣ измѣнчиваго боевого счастья.

Колеблющаяся въ своихъ настроеніяхъ казачья масса чутко прислушивалась къ вѣстямъ съ фронта. Когда побѣждали мы — бѣлые отряды немедленно и чрезвычайно усиливались путемъ притока добровольцевъ и мобилизованныхъ. Но какъ только красные насъ тѣснили, настроеніе тотчасъ-же мѣнялось; казаки покидали фронтъ и въ одиночку, и цѣлыми группами дезертировали изъ своихъ частей, а мобилизаціи срывались. Наиболѣе устойчивые изъ нихъ просто, но мѣтко опредѣляли эти «перебѣжки по одному и частями.» «Еще, молъ, — незнакомы съ большевиками. Вотъ

придутъ «краснюки», зальютъ за шкуру сала, тогда — другое запоютъ.»

Вначалѣ движеніе нашихъ отрядовъ, имѣвшихъ цѣлью овладѣніе столь важными желѣзнодорожными узлами, какъ станціи Тихорѣцкая и Кавказская, развивалось удачно.

Отрядъ полковника Покровскаго, сбивая красныхъ съ занятыхъ ими станцій и разъѣздовъ, 6-го февраля короткимъ ударомъ овладѣлъ и закрѣпился на станціи Выселки, въ 40 верстахъ отъ станціи Тихорѣцкой.

Приблизительно къ тому-же времени, на Кавказскомъ направленіи, отрядомъ полковника Лисевицкаго, послѣ удачнаго боя, была занята станція Усть-Лаба.

До занятія Выселковъ Покровскій непосредственно руководилъ своимъ отрядомъ. Его исключительная энергія, личная храбрость, имя столь популярное среди казаковъ и грозное для большевиковъ — неизмѣнно доставляли ему боевую удачу. Къ сожалѣнію, послѣ успѣшнаго занятія Выселокъ, Покровскій, на котораго было возложено руководство всею обороною Екатеринодара, принужденъ былъ оставить отрядъ и переѣхать со своимъ штабомъ въ городъ. По предписанію войскового штаба въ командованіе отрядомъ вступилъ полковникъ Ребдевъ.

Для тѣхъ, кто близко стоялъ къ тогдашней боевой обстановкѣ, кто понималъ все значеніе имени началь-

ника, кто успѣлъ въ боевой страдѣ изучить и характеръ гражданской войны, и настроеніе своихъ частей, ясно было, что эта перемѣна ничего хорошаго не предвѣщала. Тяжелымъ предчувствіямъ суждено было вскорѣ осуществиться.

Легкость взгляда на противника, отсутствіе распорядительности и бдительности, вино, широко лившееся въ штабныхъ вагонахъ, — все это было причиной того катастрофическаго отката отъ Выселокъ, который явился слѣдствіемъ ночного нападенія большевиковъ на нашъ отрядъ.

Выселки были началомъ конца. Эта первая крупная неудача окончательно измѣнила настроеніе казаковъ, подорвала духъ добровольцевъ и вѣру ихъ въ свои силы.

По Екатеринодару ползли зловѣщіе слухи: — Выселки — пропиты, сданы безъ боя. Громко назывались имена виновниковъ и порождали злобу и тревогу среди обывателей.

Тылъ панически заволновался. Съ большими трудами налаженное дѣло снабженія, санитарная часть, общественная помощь, — все это утратило бодрость работы. Только соображенія о личномъ спасеніи, куда уходить, какъ оберечь себя на случай прихода большевиковъ, доминировали у всѣхъ надъ чувствомъ долга.

Мнѣ не довелось въ роковую ночь съ 15 на 16 февраля быть подъ Выселками, но то, что мнѣ пришлось выслушать отъ прибывшихъ на слѣдующій день въ Екатеринодаръ раненыхъ и командированныхъ изъ отряда, поистинѣ рисовало картину преступнаго попустительства со стороны лицъ, на обязанности которыхъ лежало принятіе мѣръ развѣдки и непосредственнаго охраненія, диктуемыхъ элементарными требованіями устава и близостью противника, къ тому-же сильнаго.

На Тихорѣцкомъ направленіи съ нами дрались части 39-ой пѣхотной дивизіи. Эти войска въ достаточной мѣрѣ сохранили свою боеспособность, матеріальную часть и въ ихъ рядахъ было не мало офицеровъ.

Отрядъ былъ застигнутъ врасплохъ. Красные зашли въ тылъ, подорвали желѣзнодорожное полотно и стремительнымъ ночнымъ налетомъ ворвались на станцію и примыкавшую къ ней станицу.

Отрядъ спалъ... Штабъ бездѣйствовалъ.

Много славныхъ добровольцевъ легло подъ Выселками, много было взято въ плѣнъ; большевикамъ досталась богатая добыча.

На слѣдующій-же день В. Л. Покровскій выѣхалъ на фронтъ для личнаго руководства отрядомъ. Онъ быстро привелъ въ порядокъ части и закрѣпился на

ближайшемъ къ Выселкамъ разъѣздѣ Козырьки. Полковникъ Ребдевъ былъ смѣщенъ и въ исполненіе обязанности начальника отряда вступилъ начальникъ артиллеріи капитанъ Никитинъ.

Потери отряда были весьма значительны. Многіе изъ мобилизованныхъ казаковъ, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ, дезертировали и разошлись по своимъ станицамъ.

Неудача подъ Выселками сразу подорвала наши силы. Настроеніе казаковъ настолько понизилось, что происходившую въ это время въ нѣкоторыхъ станицахъ Екатеринодарскаго отдѣла мобилизацію приходилось проводить подъ угрозами разстрѣла. Притокъ добровольцевъ почти прекратился.

Конечно, съ такимъ настроеніемъ казаковъ, съ такой неустойчивостью воинскихъ частей нельзя было думать о продолженіи систематической тяжелой обороны города. Къ тому-же связь съ Корниловымъ была утрачена. Намъ было извѣстно лишь то, что Корнилову не удалось поднять Донскихъ казаковъ и что, тѣснимый съ сѣвера большевиками, онъ со своей пятитысячной арміей покинулъ Новочеркасскъ и Ростовъ и ушелъ въ неизвѣстномъ направленіи.

Тающія горсти офицерской молодежи, юнкеровъ, вѣрные долгу казаки и преданные Русскому дѣлу люди оставались на подступахъ къ Екатеринодару

и героически продолжали его оборону, но увы! — въ ихъ средѣ уже не было того подъема, который еще такъ недавно влекъ ихъ къ ратнымъ подвигамъ и ширилъ движеніе.

Въ станѣ-же красныхъ царило оживленіе. Серьезно понявъ положеніе бѣлыхъ, большевики стремились развить успѣхъ и все тѣснѣе сжимали «желѣзное кольцо совѣтскихъ войскъ» вокругъ Екатеринодара.

Въ двадцатыхъ числахъ февраля, среди членовъ правительства, краевой рады и чиновъ войскового штаба былъ поднятъ вопросъ о неизбѣжности оставленія Екатеринодара. Рѣшено было сосредоточить всю полноту военной власти въ однѣхъ рукахъ, облекши избранное лицо исключительными правами, диктуемыми моментомъ. Въ своемъ выборѣ краевая власть остановилась на Покровскомъ, который и былъ назначенъ командующимъ войсками Кубанской казачьей Области.

Войсковой штабъ въ порядкѣ спѣшности перешелъ на положеніе полевого штаба при командующемъ войсками и подъ его руководствомъ приступилъ къ выработкѣ плана эвакуаціи города.

Постановлено было уходить за Кубань, вывести изъ Екатеринодара всѣхъ боеспособныхъ, взять съ собою по возможности все артиллерійское имущество,

провіантъ, казну; раненые и больные должны были быть эвакуированы въ первую очередь.

Частнымъ лицамъ, пожелавшимъ слѣдовать за арміею, это было разрѣшено.

Среди надеждъ на будущее и предположеній, надъ всѣмъ главенствовала одна мысль, — соединеніе съ войсками генерала Корнилова, увеличеніе такимъ образомъ силъ и возвращеніе вновь въ Екатеринодаръ.

Соединеніе всѣхъ отрядовъ въ одно цѣлое, отсутствіе прикованности къ обороняемому городу, широкое маневрированіе, реальная сила арміи, которая, импонируя казакамъ, могла-бы успѣшно вліять на ходъ мобилизаціи въ попутныхъ станицахъ, — все это внушало вѣру въ успѣшное продолженіе борьбы и очищеніе области отъ большевиковъ.

Тѣснимые сильнѣйшимъ противникомъ отряды медленно, но съ боями отходили къ Екатеринодару.

На 28 февраля было назначено сосредоточеніе всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ въ городѣ и выступленіе ихъ за Кубань. Уже за нѣсколько дней до этого на ближайшій къ городу желѣзнодорожный постъ «Кубань» стали свозить интендантскіе запасы, артиллерійское имущество; черезъ этотъ-же постъ направлялись на первый этапъ, по намѣченному пути слѣдованія арміи, — черкесскій аулъ Тахтамукай, раненые, больные, семьи военныхъ и гражданскія лица, пожелавшія спастись.

Мрачныя, тяжелыя воспоминанія связаны у меня съ днемъ 28 февраля. Дважды въ этотъ день (въ 1918 году, при оставленіи Екатеринодара и въ 1920 — Георгіевска, этого послѣдняго нашего оплота на С. Кавказѣ) мнѣ пришлось покидать то безконечно близкое и дорогое, что составляло самыя грустныя, но и самыя значительныя и проникновенныя страницы моей жизни: быть свидѣтелемъ крушенія великаго дѣла, которое строилось на крови и костяхъ тѣхъ скромныхъ героевъ, имена которыхъ уже стерты и временемъ и нынѣшнею горькою дѣйствительностью, чей подвигъ или забытъ, или поставленъ подъ вопросъ.... современныхъ изслѣдователей Южно-Русской борьбы.

По привольной Кубани, по донскимъ степямъ, по долинамъ и отрогамъ Кавказа, по всему Югу, въ безвѣстныхъ могилахъ спите вы вѣчнымъ сномъ, страстотерпцы-герои. Смерть освободила васъ отъ тѣхъ страданій, которыя переносимъ мы, ваши соратники, пощаженные ея рукою, но униженные, обезкровленные величайшими тягостями изгнанія.

Къ вамъ, ушедшіе въ минуты жгучей тоски, въ мучительномъ сознаніи своего безсилія, несется нашъ братскій земной привѣтъ.

Да будутъ въ ореолѣ вѣчной памяти и славы ваши имена!

До свѣтлой, радостной встрѣчи у престола Предвѣчнаго Судіи.

Послѣдніе дни пребыванія въ Екатеринодарѣ проходили въ обстановкѣ спѣшныхъ сборовъ.

Тревожные часы переживали наши больные и раненые. Мнѣ, по своей должности штабъ-офицера для порученій при командующемъ войсками, приходилось объѣзжать госпиталя и временные лазареты и утѣшать раненыхъ увѣреніемъ, что никто изъ нихъ не будетъ оставленъ или брошенъ на произволъ судьбы, что всѣ будутъ вывезены и послѣдуютъ за арміею. И теперь тяжело вспомнить взгляды и полные тревоги вопросы, съ которыми обращались ко мнѣ эти, прикованные къ больничнымъ койкамъ, люди.

Настойчивость и распорядительность Покровскаго сдѣлали то, что при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, особенно малочисленности санитарнаго персонала, а также отсутствія перевозочныхъ средствъ, никто изъ лазаретныхъ пацієнтовъ не былъ оставленъ и всѣ они своевременно были отправлены за Кубань.

Въ 6 часовъ вечера 28 февраля, на сборный пунктъ, около дворца Войскового Атамана, стали собираться части отдѣльныхъ отрядовъ.

Подъ командою полковника Султанъ-Келечъ-Гирея прибылъ черкесскій конный полкъ; конныя сотни

полковника Кузнецова, Кубано-Софіевское военное училище, подъ начальствомъ полковника А. О. Щербовичъ-Вечоръ; части отрядовъ полковника Покровскаго, полковника Лисивицкаго, имени войскового старшины Галаева, конныя батареи есауловъ Крамарова и Корсуна, отдѣльные бойцы, присоединявшіеся къ своимъ частямъ.

За войсками выстраивались ихъ обозы. Къ сборному пункту тянулись экипажи и повозки частныхъ лицъ, пожелавшихъ раздѣлить судьбу арміи.

Екатериненская площадь передъ Атаманскимъ дворцомъ была погружена во тьму. Мрачно, тягостно было на сердцахъ покидавшихъ городъ его защитниковъ.

Издалека неслись глухіе ружейные, пулеметные выстрѣлы, — наши части, сдерживая насѣдавшаго противника, приближались къ городу, переходя, согласно полученнымъ заданіямъ, въ арріергардъ арміи.

На крыльцѣ своего дворца вмѣстѣ съ командующимъ показался Войсковой Атаманъ. «По конямъ!»

Краткія слова привѣтствій, командъ, и войска стали вытягиваться по направленію къ желѣзнодорожному мосту черезъ Кубань.

Прощай Екатеринодаръ! Прощайте близкіе, родные!..

Что ждетъ васъ на завтра?

Что сулитъ намъ будущее?

1—14 марта 1918 г. Аулы Тахтамукай, Шинджій, Тлюстенъ-Хабль. Бой подъ станицею Пензенскою. Соединеніе съ арміею генерала Корнилова.

Раннее утро.

Я стою съ группою казаковъ на околицѣ черкесскаго аула Тахтамукай, у дороги, ведущей въ Екатеринодаръ.

Предо мною тянутся заливные луга низкаго берега рѣки. Вдали, изгибаясь, голубой лентой течетъ красавица Кубань, а тамъ — далеко за нею — на противоположномъ высокомъ берегу виднѣется въ туманѣ покинутый городъ, съ колокольнями церквей, фабричными трубами, водоподъемными башнями...

Я всю ночь ѣхалъ въ головѣ колоны и теперь, занявъ удобное мѣсто, наблюдаю движеніе арміи по дорогѣ, которая извивается у моихъ ногъ. Вся она покрыта людьми и хвостъ колоны теряется въ туманной дали.

Всего изъ Екатеринодара, въ ночь съ 28 февраля на 1 марта вышло около 6000 человѣкъ. Двѣ трети изъ этого числа приходилось на долю бойцовъ, треть на раненыхъ и больныхъ, семьи военныхъ и частныхъ лицъ.

Интересное зрѣлище представляла эта людская масса. Какъ причудливо переплелись въ ней состоянія людей, ихъ профессіи, ранги. Какъ странно было видѣть недавнихъ горожанъ въ непривычной для нихъ обстановкѣ военно-походной жизни, со всѣми ея превратностями и лишеніями.

Вотъ движется внушительнаго вида конная часть. Всадники — въ буркахъ и высокихъ бараньихъ папахахъ; это — отрядъ членовъ краевого правительства и рады. Впереди — предсѣдатель правительства Л. Л. Бычъ. Нынѣ онъ въ роли начальника отряда.

Забыты (на долго-ли?) страстные дебаты и «парламентская» трибуна замѣнена конемъ и винтовкою въ рукахъ.

Вотъ небольшая группа всадниковъ; впереди монументальная фигура предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко. Какъ много потерялъ онъ теперь въ своемъ «удѣльномъ» вѣсѣ.

Дальше — картина Запорожья: отрядъ непокорныхъ большевикамъ казаковъ Пашковчанъ, лучшихъ

сыновъ Кубани. Въ ихъ рядахъ и сѣдоусые «отцы Тарасы» и стройные юноши-сыны; у нихъ и полное братство между всѣми и суровые законы войны. Ведетъ ихъ одностаничникъ есаулъ Адамовъ. Мое вниманіе приковываетъ какъ будто знакомая фигура. Вглядываюсь: это — Николай Михайловичъ Рындинъ, редакторъ «Кубанскаго Края», лучшей нашей газеты. Онъ покинулъ свою семью, любимое дѣло, вооружился двустволкой (онъ никогда не держалъ ружья въ рукахъ) и пошелъ за арміею. Какъ много унесъ съ собою въ могилу этотъ даровитѣйшій литераторъ, трагически погибшій во время расцвѣта нашего Южно-Русскаго дѣла. Сколько художественныхъ образовъ, величайшихъ моментовъ духа запечатлѣлъ онъ въ своихъ скитаніяхъ за отрядами.

Всюду мелькаютъ знакомыя лица. Пристально всматриваюсь въ нѣмецкаго типа просторный «фургонъ» съ четверкою добрыхъ коней. Оказывается, что вся семья горнаго инженера В. И. Винда размѣстилась въ экипажѣ, которымъ правитъ глава семьи . . . Они увидѣли меня, улыбаются, машутъ платками; словно собрались не въ походъ, а на загородный пикникъ.

Тянется такъ называемый «банковскій» обозъ, въ немъ везутъ казну. Всѣ ѣздовые, караульные — старые генералы и штабъ-офицеры. Начальникъ обоза — старѣйшій кубанскій казакъ генералъ лейтенантъ Влади-

міръ Александровичъ Карцевъ; вмѣстѣ съ нимъ его братъ Петръ, такой же почтенный, какъ, и онъ. Братья очень дружны, всегда неразлучны и теперь вмѣстѣ сидятъ на облучкѣ своей двуколки, поддерживая другъ друга.

Несется пѣснь; то юнкера «тянутъ журавля.»

«. . . Бѣлый крестикъ на груди, —
Самъ Покровскій впереди. . .»

Проходятъ отряды. — Сначала «Покровцы», «Галаевцы», отрядъ полковника Улагая, затѣмъ отрядъ Лисивицкаго, далѣе отрядъ учащихся среднеучебныхъ заведеній Екатеринодара, — среди нихъ попадаются дѣти, — во главѣ съ полковникомъ Куликомъ. Громыхаютъ батареи; на передкахъ и лафетахъ устроились семьи офицеровъ.

Проходятъ. . . Слышатся звуки зурны. . . Это черкесы; у всадниковъ на головныхъ уборахъ зеленыя повязки съ полумѣсяцемъ. Впереди на своемъ великолѣпномъ «Компасѣ» — Султанъ Гирей, рядомъ съ нимъ — мулла.

Конные, пѣшіе. . .

Всюду мелькаютъ отличительныя бѣлыя повязки добровольцевъ.

Тяжело смотрѣть на раненыхъ: везутъ ихъ на обывательскихъ подводахъ, на сѣнѣ, по 4—6 человѣкъ на каждой. Они, претерпѣвшіе, стойко переносятъ всѣ страданія, такъ какъ понимаютъ, что они — не брошены, они — съ арміею.

Всѣ лучшіе, смѣлые и честные люди, которые были на Кубани, въ это памятное утро прошли передо мною.

Армія безъ задержки направилась черезъ Тахтамукаевскій аулъ въ аулъ Шенджій, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ всѣмъ частямъ. Въ Тахтамукаѣ была только оставлена конная группа полковника Кузнецова и полубатарея есаула Корсуна, которымъ была дана задача, на случай наступленія большевиковъ, прикрыть собою главныя силы, находившіяся въ Шенджійскомъ аулѣ.

По сосредоточеніи всѣхъ частей въ Шенджій, было приступлено къ ихъ переформированію. Всѣ отдѣльные пѣшіе отряды были сведены вмѣстѣ и образовали полкъ восьмисотеннаго состава. Этому полку было присвоено названіе 1-го Кубанскаго стрѣлковаго. Командиромъ его былъ назначенъ полковникъ Ростиславъ Михайловичъ Тунебергъ.

Вся армейская конница была раздѣлена на двѣ части: Черкесскій конный полкъ — полковника Сул-

танъ-Келечъ-Гирея и сотни такъ называемой русской конницы — подъ общею командою полковника Касьянова. Артиллерія и инженерныя части такъ-же были сведены подъ общія командованія.

Послѣ занятія 1 марта Екатеринодара, большевики, уже на второй день, перейдя черезъ Кубань, стали преслѣдовать насъ. Какъ впослѣдствіи выяснилось, столь поспѣшное продвиженіе ихъ за нами объяснялось распространенными комиссарами слухами о томъ, что будто-бы въ обозахъ арміи находится несмѣтное количество золота, серебра и другихъ цѣнностей, вывезенныхъ нами изъ Екатеринодарскаго отдѣленія Государственнаго банка, казначейства, изъ другихъ правительственныхъ и частныхъ учрежденій и Войскового музея. Красноармейцевъ, мечтавшихъ о богатой наживѣ, конечно эти слухи увлекли: они стремительно бросились за нами.

3-го марта главныя силы арміи, отдаляясь отъ Екатеринодара, перешли въ аулъ Тлюстенъ-Хабль. Въ этотъ-же день конная группа полковника Кузнецова, послѣ продолжительнаго боя съ наступавшимъ изъ Екатеринодара многочисленнымъ противникомъ, къ вечеру вынуждена была покинуть Тахтамукай и отойти въ аулъ Шенджій.

Въ Тлюстенъ-Хаблѣ впервые мы узнали отъ черкесовъ о томъ, что армія Корнилова находится въ

предѣлахъ Кубани, что онъ съ боями продвигается къ Екатеринодару и что имъ уже заняты станція и станица Выселки. Хотя всѣ эти слухи носили весьма неопредѣленный характеръ и среди передававшихъ ихъ не было ни одного очевидца, тѣмъ не менѣе они усилили вѣру въ соединеніе съ Донскою арміею.

Нашимъ надеждамъ суждено было окрѣпнуть послѣ того, какъ на слѣдующій день въ Тлюстенъ-Хаблѣ были слышны отдаленные звуки артиллерійской стрѣльбы. Хотѣлось вѣрить, что Корниловъ недалеко. Но гдѣ искать соединенія съ нимъ? Какъ распознать путь его слѣдованія?

Изъ Тлюстенъ-Хабля для связи съ Корниловымъ были высланы люди. Въ числѣ ихъ былъ завѣдывавшій вербовочнымъ бюро нашего отряда, искалѣченный на войнѣ поручикъ Комянскій. Это былъ на рѣдкость симпатичный юноша, до самозабвенія преданный дѣлу борьбы съ красными.

На слѣдующій послѣ его ухода день, когда армія двигалась изъ Тлюстенъ-Хабля на аулъ Гатлукай, по пути слѣдованія былъ обнаруженъ трупъ. Лицо убитаго настолько было обезображено, что долгое время нельзя было его узнать. Когда-же я распоролъ въ его шинели воротникъ, въ который Комянскій при мнѣ вшилъ донесеніе штаба арміи и вынулъ оттуда эту бумагу, я понялъ, что передъ нами

лежитъ еще одна жертва долга Родинѣ, поручикъ Комянскій.

Тутъ-же въ наскоро вырытой могилѣ его тѣло было предано землѣ.

Вѣчная память тебѣ, лягшему своими костьми на фронтѣ мірового пожара, скромный русскій герой-офицеръ!

Большевики продолжали свое преслѣдованіе. Хорошо освѣдомленные о направленіи движенія арміи Корнилова, они старались преградить намъ путь соединенія съ нею. Боевые эпизоды 7 марта подъ Тлюстенъ-Хаблемъ, при нашей попыткѣ переправиться черезъ Кубань, и черезъ два дня подъ ауломъ Гатлукай, показали, что красные готовятъ намъ окруженіе путемъ сосредоточенія своихъ силъ въ ближайшихъ къ мѣсту нахожденія арміи населенныхъ мѣстахъ. Парализовать планы противника можно было только маневромъ, скрытыми ночными движеніями по глухимъ проселочнымъ дорогамъ и тропамъ.

Дни проходили, вѣра въ соединеніе съ Донскою арміею угасала. Всѣ были до крайности переутомлены предыдущими непрерывными ночными переходами и намъ не представлялось возможности оставаться подолгу на одномъ мѣстѣ, такъ какъ противникъ тотчасъ-же вблизи накапливалъ свои силы.

Наконецъ, 11 марта разрѣшилось то весьма тяжелое положеніе, въ которомъ находилась армія. Въ этотъ день была опредѣлена ея участь и онъ знаменателенъ тѣмъ, что мы разбили не только сильнѣйшаго противника, но и соединились съ арміею генерала Корнилова. Бой 11 марта подъ станицею Пензенскою еще разъ доказалъ, что воля, духъ и порывъ на войнѣ, тѣмъ болѣе гражданской, берутъ верхъ надъ невозможнымъ.

Авангардъ арміи, послѣ ночного перехода отъ аула Гатлукай къ станицѣ Пензенской, на разсвѣтѣ 11 марта сталъ приближаться къ послѣдней. Въ двухъ верстахъ отъ станицы, около хутора Эрастова, большевики преградили намъ путь.

Завязался бой. Силы противника были настолько значительны, что пришлось влить въ боевую линію всѣ части. Къ 11 часамъ утра у насъ совершенно не оставалось резервовъ.

Боемъ лично руководилъ Покровскій. Подъ жестокимъ огнемъ противника онъ отдавалъ распоряженія и приказанія. 1-ый Кубанскій стр. полкъ, подъ начальствомъ своего доблестнаго командира, полковника Тунеберга, при большихъ потеряхъ, всетаки упорно велъ наступленіе. Спѣшенныя конныя части на флангахъ

боевого порядка поддерживали огонь, выжидая момента для аттаки.

Наибольшаго напряженія бой достигъ къ полудню. Противникъ сталъ подводить изъ Пензенской новыя, свѣжія части, усиливая ими свои фланги, съ цѣлью окружить насъ.

Нашъ тылъ — многочисленные обозы очутились во сферѣ дѣйствительнаго огня противника. Въ нихъ, оставшихся безъ прикрытія, было далеко неспокойно. Какъ всегда ужасно себя чувствовали раненые и больные, старики, женщины и дѣти.

Около этого времени въ нашемъ тылу показался разъѣздъ, силою до 15 коней. Сперва въ обозахъ приняли этотъ разъѣздъ за непріятельскій; люди настолько извѣрились въ возможность соединенія съ Корниловымъ, что не могли и предполагать, что передъ ними — связь съ Донскою арміею.

Между тѣмъ разъѣздъ приближался. Вооруженному глазу уже были видны отдѣльные всадники; на фуражкахъ у нихъ выдѣлялись бѣлыя повязки.

Что такое? Провокація или дѣйствительность?:

Вотъ отъ разъѣзда отдѣлился головной всадникъ и наметомъ сталъ приближаться къ хвосту обозовъ. «Мы — Донцы, — связь отъ генерала Корнилова,» крикнулъ онъ наскаку. Подъѣхавъ къ ближайшимъ,

онъ назвалъ себя. Это былъ генеральнаго штаба полковникъ Борцевичъ. Вкратцѣ онъ объяснилъ, что Донская армія находится въ Шенджійскомъ аулѣ и что, идя на выстрѣлы, онъ нашелъ насъ. Затѣмъ подошли и остальные всадники разъѣзда.

Со слезами восторга братались Кубанцы съ Донцами. Громовое ура! понеслось по обозамъ, перекатываясь на боевыя цѣпи.

Корниловъ! Донцы! раздавалось повсюду. Всѣ, кто были боеспособны, съ оружіемъ въ рукахъ, бросились къ передовымъ частямъ. Войсковой Атаманъ съ чинами своего штаба, старики — генералы, гражданскія лица, члены правительства и рады, — ринулись впередъ.

Большевики были ошеломлены. Они не ожидали столь стремительнаго натиска и въ ихъ рядахъ произошло замѣшательство. Врагъ поспѣшно сталъ отходить; наши цѣпи перешли въ контръ-аттаку, преслѣдуя бѣжавшихъ.

Мнѣ вспоминается одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ этого боя.

Въ моментъ общаго воодушевленія, Командующій приказалъ мнѣ передать Черкесскому конному полку — аттаковать противника на его правомъ флангѣ. Я поскакалъ, розыскивая полкъ и на опушкѣ лѣса увидѣлъ спѣшенныя сотни черкесовъ.

«Гдѣ командиръ полка?» обратился я къ ближайшему старику — всаднику.

На ломаномъ русскомъ языкѣ послѣдовалъ отвѣтъ:

— «Не безпокой Султана, — онъ Богу молится.»

Дѣйствительно, неподалеку сидѣлъ вождь Черкесскаго народа и творилъ намазъ.

Я подождалъ пока онъ кончилъ молитву и затѣмъ передалъ ему приказаніе. Онъ пожалъ мнѣ руку, одобрительно покачалъ головой и вскочилъ на коня. Раздались слова команды на туземномъ нарѣчіи и полкъ, разсыпавшись лавой, съ криками Алла! понесся въ аттаку.

Одинъ изъ всадниковъ отсталъ. Онъ усиленно хлесталъ свою худую лошаденку плетью, но она упорно отказывалась идти впередъ; видя, что это не помогаетъ, черкесъ бросилъ нагайку и сталъ бить лошадь плашмя шашкой, приговаривая: «— Дай маленькій атачку! — Дай маленькій атачку!» Ему хотѣлось вмѣстѣ съ другими поскорѣе дорваться до ненавистнаго «большувука», «покрошить» бѣжавшихъ.

Черкесы питали къ большевикамъ непреодолимую ненависть и были съ ними безпощадны.

Преслѣдованіе противника продолжалось до поздняго вечера; части заночевали въ полѣ и съ раз-

свѣтомъ слѣдующаго дня вступили въ оставленную большевиками станицу Пензенскую.

Удачный бой, соединеніе съ Донскою арміею окрылили всѣхъ. Съ нами — Корниловъ, Покровскій, Марковъ, Деникинъ. Силы наши увеличивались болѣе чѣмъ вдвое.

Въ обозахъ Донской арміи — большіе запасы оружія, снарядовъ и патроновъ; наша судьба, дальнѣйшая участь арміи въ крѣпкихъ и вѣрныхъ рукахъ.

13 марта Командующій войсками, съ чинами своего штаба и двумя сотнями казаковъ и черкесовъ, выѣхалъ въ аулъ Шенджій для представленія генералу Корнилову.

Радостно встрѣтили насъ Донцы. Громкое ура! неслось намъ на встрѣчу. Наши сотни подъѣхали и выстроились у дома Главнокомандующаго. Мы замерли въ ожиданіи. Наконецъ увидимъ того, чье легендарное имя пронеслось по всей Россіи, на долю котораго выпало положить основаніе и возглавить добровольческое движеніе.

На крыльцѣ дома показался невысокаго роста человѣкъ въ сѣрой солдатской шинели и сѣрой искусственныхъ мерлушекъ папахѣ. Его суровое, калмыцкаго типа лицо и проницательные глаза выражали

желѣзную волю и непоколебимую рѣшительность. Это былъ Корниловъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ начальникъ его штаба генералъ Иванъ Павловичъ Романовскій.

«Здравствуйте, казаки Кубанцы! — Радъ васъ видѣть и — вѣрю, что теперь мы честно и до конца выполнимъ нашъ долгъ передъ Родиной.»

Ура! было отвѣтомъ на слова вождя.

Не любилъ Л. Г. Корниловъ помпы, пышныхъ словъ и фразъ. Только дѣло. И горѣлъ онъ жаждою подвига и требовалъ того-же отъ своихъ подчиненныхъ.

Приказавъ накормить казаковъ, онъ пригласилъ Покровскаго къ себѣ и между ними состоялась продолжительная бесѣда.

Мы, офицеры, были приглашены въ штабную столовую, гдѣ ласково были встрѣчены и приняты чинами штаба. За оживленными распросами незамѣтно летѣло время.

Наступилъ вечеръ; дѣловое собесѣдованіе у Главнокомандующаго закончилось и мы стали собираться въ обратный путь.

Окончательное соединеніе двухъ армій, Кубанской и Донской, въ одну — Добровольческую и общее движеніе на Екатеринодаръ было назначено на 14 марта въ станицѣ Ново-Дмитріевской.

Распростившись съ нашими любезными хозяевами, мы двинулись въ Пензенскую.

Соединеніе обѣихъ армій 11 марта 1918 года было началомъ новаго періода борьбы, извѣстнаго подъ названіемъ «Ледяного похода.»

Задача этихъ очерковъ, — только лишь освѣщеніе событій на Кубани въ начальный періодъ вооруженной борьбы съ большевиками, т. е. съ октября 1917 по мартъ 1918 г. и желаніе подѣлиться съ читателемъ тѣми свѣдѣніями, которыми я располагаю, какъ участникъ, а также помянуть имена людей, все болѣе и болѣе уходящихъ отъ насъ.

Въ мой скромный трудъ не входитъ ни анализъ, ни выводы.

Пусть изложенное послужитъ для читателя фактическимъ матеріаломъ, который облегчитъ и выводы и сужденія его и изъ котораго наше потомство узнаетъ, какъ боролись, какъ старались спасти Родину ея честные сыны и почему изъ этихъ попытокъ пока не вышло ничего реальнаго.

Горсть русскихъ людей, затерявшись въ глухихъ Кубанскихъ степяхъ, среди страданій и лишеній, свершила свой жертвенный подвигъ во имя Родины. На

развалинахъ старой Россіи ярко были ими зажжены свѣточи истины, чести и долга, которы не погасли и по сей день.

Пройдутъ года. Россія возстанетъ вновь великою и могучею изъ пепла пожаровъ, мятежныхъ бурь, невзгодъ, страстей. Затянутся старыя раны, забудется прежняя вражда. По родной землѣ пойдутъ слѣпцы-кобзари и они разскажутъ и славу споютъ герою Кубани, генералу Виктору Леонидовичу Покровскому и его малой, но великой духомъ дружинѣ.

Вѣчная память павшимъ героямъ,
Вѣчная слава героямъ живымъ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.8
.K8
L4